Свободная Грузия

ОРГАН ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ

თავისუფალი საქართველო საქართველოს რესპუბლიკის უზენაესი საბჭოს ორგანო

СРЕДА, 4 СЕНТЯБРЯ 1991 ГОДА

№ 165

ЦЕНА 10 КОП.

Свободу обретает не только тот, кто ее получает, но и тот, кто ее дает

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ ГОСПОДИНА АКАКИЯ АСАТИАНИ НА ВНЕОЧЕРЕДНОМ СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Уважаемый Президент Советского Союза! Уважаемый съезд! Уважаемые гости!

Я уполномочен от имени Президента Республики Грузия, от Верховного Совета Республики Грузия и, осмелюсь сказать, от всего населения Республики Грузия ознакомить вас с позицией нашей страны, нашего народа по отношению к тем событиям и проблемам, перед которыми мы все сегодня стоим и решать которые собираемся.

Почему я сказал, что от всего народа? Здесь один депутат ставил вопрос о том, насколько соответствует решение руководства той или иной республики воле народа этой республики. Должен вас заверить, что в Грузии трижды проводились и выборы, и референдум, и все три раза волеизъявление нашего народа было однозначным. Народ выявил свое стремление к свободе, стремление к государственной независимости, обретению государственной национальной чести и достоинства. Ибо независимость, демократия, по-моему, ничего другого не означают. Так сказать, в качестве наблюдателя я присутствовал, когда вырабатывалось заявление десяти республик. И мы должны сказать, что заявление является, наверное, единственно правильным решением на сегодняшний день проблем управления этой страной. У нас своя позиция. Вы все заметили, что пять республик не подписывают это заявление: это те республики, которые уже определили свою судьбу. Три Прибалтийские республики уже стали фактически субъектами международного права, и вскоре они будут членами ООН, с чем мы их поздравляем от всей души и желаем всяческих успехов. Мы говорим о себе, но мы знакомы с позицией Молдовы и взаимно признали друг друга. Молдову и Грузию признала Румыния. Мы думаем, что решается не только наша судьба: выйдем мы из Союза или останемся в нем... Решается судьба и самого Союза, тех республик, тех народов, которые остаются в Союзе в той или иной форме, как там это записано, и правильно, наверное, записано. Ибо не решить этот кардинальный вопрос сегодняшнего дня, нынешнего момента вне решения политического вопроса. Политика все-таки, как ни говорите, опережает и в определенной степени решает экономические вопросы. Надо четко все сказать. Вот до этого путча, вот до этой неразберихи, по нашему глубокому убеждению, довело то, что не было четкости, ясности во всех вспросах. Кто, где, как, в какой форме, в чем участвует... Мы, например, хоть сегодня согласны подписать договор об общем экономическом пространстве, если он будет основываться на том проекте, который подготовила группа во главе с академиком Шаталиным. Наш представитель участвовал в этой работе, и мы, если будет общее согласие, присоединимся к подобному договору. В этом аспекте вопросов нет. Тех людей, которых соединяет эта общность, всех, кто в составе Союза жил, надо накормить, обуть, одеть и тому подобное. И не надо бояться того, что нас сметут толпы. Просто надо быть ответственным за судьбы этих людей, и больше ничего. Мы готовы рассмотреть вопросы оборонительные, общего оборонительного союза. Наверное, в этом плане будет продолжаться работа. Если будет выработано приемлемое решение, мы готовы подключиться.

У нас действительно общие судьбы, но надо все-таки решать главным образом политические вопросы. Здесь часто звучат слова о территориальных претензиях, говорят о балканизации. Я думаю, что балканизация уже идет, она давно началась и до сих пор продолжается. И если все останется в таком состоянии, очевидно, она будет набирать еще большие обороты. Мы думаем, решение этих вопросов будет способствовать стабилизации, полной ясности. У нас, во всяком случае, ни к одному из наших соседей территориальных претензий нет. Насколько мы знаем, и к нам тоже таких претензий пока что никто не предъявлял. И не думаю, чтобы кто-либо предъявил.

У некоторых есть опасения насчет России. Мы не боимся сильной, могущественной, процветающей, демократической России, руководство которой на деле защитило демократию, свободу своего народа, и, я думаю, что все мы согласимся, что и других народов тоже. Бояться здесь нечего. А со временем придут люди, вырастут новые поколения в новых условиях... Я уверен, они будут гораздо лучше нас. Во всех отношениях.

При моем глубочайшем почтении (я сам филолог) к академику Лихачеву, как к великому ученому и великому гражданину и патриоту своей Родины и своего народа, я думаю, что аргументы, приведенные им в пользу Союза в той форме, в которой были приведены, они не выдерживают критики. Футбольная команда — не пример, тем более, что трехмиллионный Уругвай дважды выиграл чемпионат мира, а трехсотмиллионный Советский Союз пока что не удостоился этой чести. В то время, как хоккейная команда, которая сплочена и однородна по национальному составу, сами знаете, сильнейшая в мире до сих пор, несмотря на то, что многие хоккеисты играют в других странах. Я думаю, что, если вкратце подытожить, можно сказать: никто не собирается растаскивать библиотеки, замечательные музеи Петербурга или Москвы и другие ценности, никто.

Все хотят дружбы, взаимопонимания и, если это будет решено высшим органом этой страны, то это лишь будет способствовать лучшему будущему. Ибо свобода — такое понятие, что не только тот, кто получает ее, обретает свободу, но и тот, кто дарует, также обретает свободу. Обретает вместе со всеми. Это так. Я уверяю вас, вы почувствуете свободу и легкость, если примите такое решение. И, кроме всего прочего, может быть, здесь не место для таких эмоциональных выступлений и категорий, но нас всех сплачивает не тот Союз, которого практически уже не существует в той форме, в которой он существовал, его уже нет. А сплачивает нас кровь наших предков. Да, мы вместе прожили очень много, вместе многое перенесли. Нас сплачивает кровь, пролитая нашими предками именно за свободу, за свободу в борьбе против тирании, тоталитаризма, за свободу в борьбе против фашизма (наш народ, если знаете, в войну пожертвовал жизнями полумиллиона человек). За свободу пролили кровь 9 апреля 1989 года наши невинные девушки, затем литовцы и многие другие, и вот только что — три молодых человека здесь, в Москве. Эта кровь взывает ко всем нам. Взывает! И будущее нас оправдает лишь в том случае, если мы сделаем то, за что она была пролита.

Да поможет всем нам Бог!

Спасибо за внимание!

Президенту Грузии г-ну З. ГАМСАХУРДИА

Дорогой господин Президент!

От имени делегации конгресса должен сообщить Вам, что мы поддерживаем Ваше стремление к свободе и независимости. Будем работать в конгрессе для того, чтобы Вы достигли этих целей.

Взаимный обмен мнениями между нами явился чрезвычайно важным шагом к упрочению взаимоотношений между Республикой Грузия и Соединенными Штатами Америки.

Все члены делегации конгресса признательны за Ваше доброжелательное и внимательное отношение к нам.

С искренним уважением

Сэм ГИБОНС,
член американского конгресса.
3 сентября 1991 года.

ЗАЯВЛЕНИЕ

ПРЕСС-СЛУЖБЫ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ

Республика Грузия, последовательно осуществляя демократические преобразования, проведя впервые в Советском Союзе свободные многопартийные выборы в парламент и в органы местного самоуправления, всенародно выбрав Президента, объявив о восстановлении государственной независимости 9 апреля 1991 г., после провала коммунистического путча в Москве, стоит на пороге признания международным сообществом своего национального суверенитета.

Вместе с тем в Грузии еще имеются деструктивные силы, принадлежащие к вооруженной оппозиции, и в том числе группировка, именующая себя НДП, которая за последнее время неоднократно прибегала к антиконституционным действиям, примером этому служат массовые беспорядки и вооруженные эксцессы, организованные по ее инициативе 2 сентября в столице Грузии — Тбилиси, приведшие к нанесению телесных повреждений и ранений гражданам, представителям правоохранительных органов.

Выступая под псевдодемократическими и псевдопатриотическими лозунгами, НДП бойкотировала выборы в законодательные и исполнительные инстанции республики, призывала к забастовкам, к конфронтации с советской армией, к гражданскому неповиновению и насильственному свержению избранного народом Правительства Грузии, подталкивая тем самым население республики к братоубийственной войне.

Выбранный Республикой Грузия мирный конституционный путь обретения национальной независимости не устраивает определенные оппозиционные силы в Грузии, которые, нарушая общественный порядок, совершая уголовно наказуемые действия, дискредитируют тем самым не только руководство республики, а всю демократическую Грузию перед лицом мировой общественности и, дестабилизируя положение, вольно или невольно стараются удалить день достижения независимости нашей Родины.

Руководство Грузии, выступая гарантом соблюдения прав и свобод граждан республики, решительно пресекая антиконституционные действия, будет и впредь вести страну по пути национального возрождения, построения признанного международным сообществом правового демократического государства.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Верховного Совета Республики Грузия

О ЗАКРЫТИИ ГАЗЕТ «САКАРТВЕЛОС РЕСПУБЛИКА», «СОПЛИС ЦХОВРЕБА», «АХАЛГАЗРДА ИВЕРИЕЛИ», «РЕСПУБЛИКА» И ОСНОВАНИИ НА ИХ БАЗЕ ОДНОЙ ГАЗЕТЫ

Президиум Верховного Совета Республики Грузия **постановляет:**

ввиду острого дефицита бумажных ресурсов в республике закрыть печатные органы Верховного Совета Республики Грузия «Сакартвелос республика», «Соплис цховреба», общественно - политическую газету «Ахалгазрда иверели», а также печатный орган Кабинета Министров Республики Грузия «Республика» и основать на их базе одну газету.

Заместитель Председателя Верховного Совета Республики Грузия Немо БУРЧУЛАДЗЕ.

Тбилиси.
3 сентября 1991 года.

Указ Президента Республики Грузия

О НАЗНАЧЕНИИ Г. А. БУРДЖАНАДЗЕ ПРЕСС-СЕКРЕТАРЕМ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ

Назначить **Бурджанадзе** Георгия Александровича пресс - секретарем Президента Республики Грузия.

Президент Республики Грузия Звиад ГАМСАХУРДИА.

Тбилиси.
3 сентября 1991 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Верховного Совета Республики Грузия

О НАЗНАЧЕНИИ ЧИРАКАДЗЕ А. А. ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ

Президиум Верховного Совета Республики Грузия **постановляет:**

назначить **Чиракадзе** Арчила Арчиловича председателем Центральной избирательной комиссии Республики Грузия.

Заместитель Председателя Верховного Совета Республики Грузия Немо БУРЧУЛАДЗЕ.

Тбилиси.
3 сентября 1991 года.

Хроника

Указом Президента Республики Грузия Чиракадзе Арчил Арчилович освобожден от должности пресс-секретаря Президента Республики Грузия в связи с назначением его председателем Центральной избирательной комиссии Республики Грузия.

САКИНФОРМ.

НАМ НУЖНА СТАБИЛЬНОСТЬ

Инцидент, который произошел второго сентября у Дома кино, глубоко нас всех встревожил и вызвал протест. Подобные действия не приближают нас к цивилизованному обществу, а отдаляют от него, компрометируют Грузию в глазах мирового сообщества, затрудняют ее продвижение по избранному пути. Подобные «митинги» служат дестабилизации, на руку лишь тем, кому не нравится избранный народом путь к свободе и независимости. Да и время подобрано для его проведения весьма «кстати»: в момент пребывания в Тбилиси американских конгрессменов.

Сегодня всем трудно, и в первую очередь нашему Правительству, и подобного рода акции не могут облегчить его работу, а наоборот, ставят в весьма затруднительное положение.

Всем, кто неравнодушен к будущему Грузии, надо действовать цивилизованно, не ориентируясь на эмоции, а вести диалог, способствовать стабильности положения в республике.

Русудан ДЖАВАХАДЗЕ,
домохозяйка.

Тбилиси.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Вновь в Тбилиси конфликтная ситуация: до каких же пор будем мы терзать друг друга? Разве таким путем можно достичь намеченной цели, за которую мы все, во всяком случае, большинство населения, проголосовали, а именно: независимости, возможности жить в соответствии со своими традициями и обычаями и в то же время на равных входить в мировое сообщество народов. Я—учительница, много лет жизни отдала воспитанию детей, вкладывала в них все лучшее, что во мне было, а главное, учила нравственности, терпению, умению добиваться поставленной цели упорным трудом и убеждением, а не путем шантажа, насилия, физической расправы с противниками. Я понимаю, тоталитарная система сделала нас такими, какие мы сегодня есть, но в человеке должно же проснуться, наконец, чувство самоуважения к себе, умение осмысливать события, явления, факты и не быть просто орудием в чьих-то руках, не служить средством для сведения каких-то счетов и удовлетворения амбиций. Ведь политика — это не стычки на улицах, не митинги и драки, это, прежде всего, выдержка. Разве попытка переворота в России ничему нас не научила и никаких выводов так называемые «митинговые политики» не должны были для себя сделать?

Какой же призыв должен их остановить или какие действия законных властей?

Кетеван ГОЛИДЖАШВИЛИ,
пенсионерка.

Беседа с премьер-министром Республики Грузия

2 сентября премьер-министр Республики Грузия Виссарион Гугушвили принял делегацию американских конгрессменов, возглавляемую председателем подкомиссии по торговле постоянной бюджетной комиссии палаты представителей конгресса США Сэмом Гибонсом.

В ходе состоявшейся беседы, в частности, выражалась надежда на то, что осталось не долго ждать полноправного экономического сотрудничества суверенной Грузии с освободившимися республиками, странами мирового содружества, осуществления иностранных инвестиций. Гостям было рассказано о нынешней экономической ситуации в республике, об основных моментах разработанной концепции приватизации. Отмечалось, что предстоящий переход от централизованной экономики к свободной рыночной позволит направить в законное русло, сделать легальным бизнес, использовать во благо энергию, возможности здорового частного предпринимательства. К примеру, только от реализации небольших предприятий предполагается дополнительно вовлечь в оборот до десяти миллиардов рублей. И требуется больше политического спокойствия для осуществления намеченных экономических реформ.

Руководитель американской делегации, ее члены пожелали успехов в преодолении трудностей на пути формирования Республики Грузия в качестве самостоятельного государства, которая сможет сама контролировать свои границы, развивать экономику, предстанет как независимый субъект в того будет выгодно сотрудничать с различными странами мира. Гости получили ответы на многочисленные интересующие их вопросы.

В беседе участвовали министры, руководители различных ведомств и организаций Республики Грузия.

* * *

В тот же день состоялась встреча американской делегации с представителями деловых кругов республики.

САКИНФОРМ.

Хроника

Кабинет Министров Республики Грузия назначил Александра Николаевича Ландиа управляющим канцелярией Кабинета Министров Республики Грузия.

САКИНФОРМ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Верховного Совета Республики Грузия

О ТЕКУЩЕМ ОТЧЕТЕ И ИНФОРМАЦИОННОМ ЗАЯВЛЕНИИ СОВМЕСТНОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ, СОЗДАННОЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СУЩЕСТВУЮЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В СВЯЗИ СО СПИСАНИЕМ ПРОСРОЧЕННЫХ ЗАДОЛЖЕННОСТЕЙ БАНКА С СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, ПРЕДПРИЯТИЙ ПИЩЕВОЙ И ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Верховный Совет Республики Грузия **постановляет:**

1. Принять к сведению текущий отчет и информационное заявление совместной комиссии Верховного Совета Республики Грузия и Правительства Республики Грузия, созданной для изучения существующего положения в связи со списанием просроченных задолженностей банка с сельскохозяйственных предприятий, предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности.

II. Поручить Правительству республики рассмотреть представленные комиссией рекомендации и обеспечить их осуществление, в частности:

1) списать с сельскохозяйственных предприятий и формирований, производящих материальные блага, числящиеся за ними по состоянию на 1 апреля 1991 года и не обеспеченные источниками покрытия бесперспективные просроченные и кредитные задолженности и не обеспеченные источниками покрытия просроченные кредитные задолженности предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, возникшие в результате долгосрочных кредитов и неправильных союзных постановлений.

2) восстановить краткосрочные кредиты, выданные по письменному указанию председателя правления Республиканского банка Агропромбанка в течение апреля 1991 года по счетам срочных ссуд, на выдачу которых существовали реальные основания и которые к 1 мая были перенесены на счета просроченной задолженности.

А для покрытия просроченной задолженности, возникшей в результате безосновательной выдачи кредитов, в том числе и задолженности, полученной в результате незаконного авансирования, из кредиторской организации немедленно должна быть изъята сумма. В этих целях применить меры, предусмотренные законодательством.

3) Республиканскому банку Агропромбанка взыскать в минимальном размере процент с искусственно завышенной им с 1 мая 1991 года просроченной ссуды.

III. Поручить Комитету национальной безопасности республики, Министерству внутренних дел и Прокуратуре республики изучить вопрос, поставленный комиссией, в связи с ввозом в республику пива и осуществить соответствующие мероприятия.

Председатель Верховного Совета Республики Грузия Акакий АСАТИАНИ.

Тбилиси.
10 августа 1991 года.

Сквозь развалины тоталитаризма

Как вытянуть экономику республики из глубокого кризиса? Каким образом поскорее выбраться из-под обломков казарменного социализма и при этом максимально защитить людей от разорительной лихорадки переходных процессов? Эти острые вопросы предстоит продумать и обсудить участникам Республиканской конференции по экономической реформе. На заседании конференции, состоявшейся 30 августа под председательством премьер-министра Республики Грузия Виссариона Гугушвили, было решено сформировать шесть рабочих групп по основным направлениям. В течение месяца они должны рассмотреть и дополнить концепцию вывода экономики из кризиса, предложенную Министерством экономики и финансов республики, и представить конкретные предложения Правительству.

2 сентября состоялись первые организационные встречи рабочих групп. Предлагаем блиц-интервью корреспондента «Свободной Грузии» с руководителями некоторых из них. Все они являются специалистами Министерства экономики и финансов Республики Грузия.

Теймураз ДВАЛИ,
заместитель министра, руководитель рабочей группы по регулированию налоговой системы и борьбе с теневой экономикой:

— На первой встрече утвержден состав нашей группы пока что в количестве 7 человек. Из работников нашего министерства это начальники Главного контрольно-ревизионного управления Михаил Чиквиладзе и управления бухгалтерского учета и отчетности Леван Григалашвили, начальник Главной налоговой инспекции Отар Хупения и другие. Деловые круги представляет пока только Акакий Мухурадзе, вице - президент ассоциации «Ута». Пригласим также руководителей крупных предприятий, организаций, кооперативов, коммерческих банков и т. д.

В налоговой политике предполагается обеспечить стимулирование отраслей, предприятий, отдельных видов продукции за счет дифференциации налоговых ставок и льгот. Прежде всего это касается производителей ТНП, сельхозпродукции, лекарственных средств и других жизненно важных производств. Теневую экономику необходимо «вывести на чистую воду» и поставить частный бизнес под строгий налоговый контроль...

Амиран ГАБИСОНИЯ,
начальник Главного управления, руководитель рабочей группы по разгосударствлению, приватизации и введению рыночных структур:

— В группу вошли начальник управления Министерства промышленности Республики Грузия Нодар Цанава, референт Государственной комиссии по экономической реформе Мамука Лобжанидзе, начальник ТМО Тбилиси Спиридон Лосаберидзе, председатель союза арендаторов и предпринимателей Грузии Бондо Зарнадзе, представители ряда других министерств и департаментов, префектур Кутаиси, Рустави и Поти.

На первом заседании группы уже были интересные выступления и предложения. Постепенное разгосударствление — уже давно осознанная в Грузии необходимость. Рекомендации по приватизации будем вносить с учетом принятого парламентом Закона Республики Грузия о приватизации...

Ивери ШАЛАМБЕРИДЗЕ,
начальник Главного управления, руководитель рабочей группы по вопросам ценообразования и денежного обращения:

— Среди членов группы — начальник Главного управления финансов и денежного обращения нашего министерства Гиви Гамсахурдиа, первый заместитель председателя правления Госбанка Республики Грузия Ким Сванадзе, заместитель министра транспорта Джемал Чхиквадзе, профессор Рамин Митаишвили из Института экономики и финансов при нашем министерстве, доцент Мераб Гвелесиани из Института экономики Академии наук Республики Грузия. Собираемся пригласить и других ученых, специалистов.

Основная задача в регулировании цен — их либерализация. Цены на отдельные товары могут быть свободными. Что же касается основных продовольственных товаров, предметов первой необходимости, цены на них пока должны быть под контролем государства. Цена должна формироваться с учетом конъюнктуры рынка, затрат, особенностей производства, внешних факторов. Необходимо обеспечить стабильность, сделать все, чтобы жизненный уровень населения не снижался. При повышении цен должны увеличиться и размеры компенсации.

Что касается проблемы введения национальной валюты, то уже сегодня ясно — только для технического обеспечения этой акции потребуется не меньше года...

Итак, конференция как механизм разработки реформы экономики набирает обороты. Уже первые выступления представителей деловых кругов на заседаниях рабочих групп продемонстрировали, насколько велика в республике тяга к рынку, свободному предпринимательству, приватизации. Остается надеяться, что в рекомендациях Правительству будет учтено мнение широкой общественности.

Независимо от результатов конференции должны эффективнее заработать и законы, принятые Верховным Советом Республики Грузия. Приватизации — зеленый свет!

Только инициатива предприимчивых граждан способна пробиться сквозь развалины обанкротившегося «социалистического производства». И государство призвано создать все условия для этого. Нет свободы без свободного предпринимательства!

И, наконец, еще об одном — может быть, самом важном сегодня. Очевидно, нас ждут еще новые финансовые потрясения на пути интеграции в мировую экономику. Надо заранее предусмотреть меры социальной защиты самых слабых: стариков, детей, инвалидов. Поддержать и обезопасить их — наш гражданский долг!

Вахтанг АХАЛАЯ.

ШЕФ ЦИРЕКИДЗЕ И ДЕМОКРАТИЯ

Бывший сатрап империи, генерал КГБ, бывший министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе все чаще и чаще предстает перед нами в тоге демократа и гуманиста. А нам, помнящим период его 13-летней диктатуры в Грузии, нелегко поверить в его такую радикальную трансформацию. Говоря о своем прошлом, он представляет период своей диктатуры как золотой век, который, оказывается, дал Грузии «абашский эксперимент» и другие блага. Поэтому мы начинаем публикацию материалов о том, что происходило в тюрьмах в те времена, чтобы стало известно, каким демократом и гуманистом был Э. Шеварднадзе, и что скрывает он от общественности о своем прошлом.

Так что вместе с французской «Либерасьон» выражаем сомнение в возможности столь молниеносного перехода человека из генерала КГБ в демократы.

Мы призываем всех, кто был в те годы заключенным, представить дополнительные материалы об «обработке» заключенных в тюрьмах Грузии. Материалы эти обязательно будут опубликованы в печати.

Поскольку Шеварднадзе отказал грузинским журналистам в интервью по этому вопросу, мы попытаемся своими силами ответить на эти злободневные вопросы.

ИСПОВЕДЬ АГЕНТА

(Истязания заключенных в тюрьмах Грузинской ССР)

(Составитель З. Гамсахурдиа)

(ПЕРЕПЕЧАТАНО ИЗ САМИЗДАТОВСКОГО ЖУРНАЛА «САКАРТВЕЛОС МОАМБЕ», 1976 г. № 2)

1—9 апреля 1975 года народный суд Кировского района г. Тбилиси (председатель Габиташвили, прокурор—Чарадзе, адвокат — Пхазе) в клубе следственного изолятора № 1 рассмотрел дело Юрия Григорьевича Цирекидзе и Валико Усупяна. Они обвинялись по части третьей статьи 110 и части второй статьи 123 Уголовного кодекса Грузинской ССР. Признаки этих статей: «тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть» и «неоказание помощи пострадавшему». Дело состоит из пяти томов. Его № 2254.

На предварительном следствии и на судебном процессе было установлено, что 24 октября 1973 года заключенные тбилисского следственного изолятора № 1 Юрий Цирекидзе и Валико Усупян смертельно избили заключенного Исмаилова. Исмаилову не было оказано никакой медицинской помощи, и 27 октября он скончался.

У Министерства внутренних дел и Комитета госбезопасности Грузинской ССР за последние три года накопилось множество нераскрытых дел. Знаний и опыта следователей оказалось недостаточно для раскрытия этих дел. И поэтому они решили прибегнуть к методам пыток. Для чего использовали агентов среди самих заключенных.

1. Достаточно отметить, что за последние четыре года в Грузии арестовано примерно 50.000 человек. Из них 9.500 коммунисты и 7.000 комсомольцы. До 29 человек — работники органов. Проведено до 30 тысяч судебных процессов.

Заключенные Цирекидзе и Усупян были агентами. Ранее они тоже были судимы за различные преступления. Администрация тюрьмы годами держала их в следственном изоляторе даже после судебного приговора. Цирекидзе и Усупяна в своей работе использовали Министерство внутренних дел, КГБ и прокуратура... Во втором корпусе следственного изолятора имеется «специальная» камера № 40, куда сажали агентов-палачей и их жертв, которые после «обработки» переводились либо в больницу, либо в другую камеру. Часто бывало, когда избитые заключенные умирали в тюремной больнице, врачи этой больницы составляли ложный диагноз, приписывая смерть заключенных той или иной болезни. И это, оказывается, называлось «списанием» заключенного.

«Списать» заключенного Исмаилова не удалось, поскольку своевременно в больницу он переведен не был. Поэтому было решено возбудить дело против агентов, удовлетворившись освобождением от работы сотрудников тюрьмы (были сняты начальник следственного изолятора Лежава, его заместитель Свимонишвили, оперуполномоченный Фролов и др.). Следователи же МВД, КГБ и прокуратуры наказаны не были, хотя на судебном заседании выяснилось, что главные виновники—именно они, а подобные Цирекидзе и Усупяну являются лишь слепым орудием в их руках.

Агент Цирекидзе написал в различные инстанции множество заявлений, отрывки из которых мы приводим (часть заявлений написана на русском языке).

Народному суду Кировского района г. Тбилиси Юрия Цирекидзе (заключенного следственного изолятора МВД № 1)

ЗАЯВЛЕНИЕ.
ПОКАЗАНИЕ
«КОРЕНЬ ЗЛА»
(на русском языке)

Свое заявление я называю «корнем зла», поскольку в основе моего безоблачного детства и дальнейшей безрадостной жизни стало зло, ставшее причиной моей искривленной жизни.

Я запуган бесправными действиями бывшей администрации и остатками ее банды следственного изолятора № 1: они осуществляли в отношении меня репрессии и всяческими методами вынуждали взять на себя «дело» (убийство) и скрыть истину.

Кроме того, они призвали на помощь отдельных заинтересованных лиц, которые при непосредственной помощи прокурора Г. Надареишвили и других в дальнейшем все же сумели скрыть правду и свое участие в убийстве заключенного—объекта Н. В. Исмаилова.

Думаю, что смогу показать правду и к тому же хочу ввести в курс своего дела, и поэтому решил обратиться с просьбой: основательно изучите мое заявление-показание (а также нынешнее дело в судебном процессе), где я подробно описываю те факты, которые накопились в течение лет и которые я называю «корнем зла». Со школьной скамьи меня совратили с пути истинного работники милиции и Министерства внутренних дел Грузии. Совратили обманом и посулами и совсем еще ребенком превратили в своего агента.

Ради сохранения работы в правительственных органах бесчестные, недостойные люди, превышая свои права, давали мне запрещенные социалистическими законами задания и всегда и повсюду насильно использовали меня в качестве слепого орудия против различных злоумышленников, преступников или невиновных. Спекулируя служебным положением, они добивались множества благ, высоких должностей, величия, имущества, а я наживал только врагов среди уголовников. Они представляли большую опасность для меня, моей семьи и моих близких.

Дело, состряпанное против меня ложными показаниями и фальсифицированными документами, и обвинение в таком тяжком преступлении, которого я не совершал, вынуждают «открыть карты», подробно написать всю правду и показать те основные коренные причины «корня зла», в результате чего я попал на скамью подсудимых и которое является основой того зла, которое вновь привело в этот суд в качестве обвиняемого невиновного человека, жертву преступления других лиц.

Причина же всего того, что я называю «корнем зла», состоит в следующем: здесь Цирекидзе детально излагает свою биографию (стр. 2—36) (родился в 1938 году) — как он рос без отца, страшную бедность своей семьи, голод, тяжелые условия, мучения и рабский труд своей матери, в результате чего она стала инвалидом, но все же смогла дать сыну среднее образование. Затем Цирекидзе сдал вступительные экзамены в Институт физкультуры, стал мастером спорта и чемпионом Грузии по акробатике. Он рассказывает, как в 1954—1956 годах его привлекли к работе в Молотовской раймилиции начальник следственного отдела Элиава и Гриша Арахамия, о чем его мать знала, ему присвоили псевдоним «И. Попов» и обещали сделать офицером. Ему поручили сблизиться с ворами, войти к ним в доверие, для чего он должен был грабить вместе с ними. В случае ареста ему была обещана помощь. Однако, когда его 23 октября 1953 года арестовали за грабеж, то ему никто не помог. Арахамия и Коява «ушли в кусты», и Цирекидзе был посажен в тюрьму. В тюрьме к нему подсадили заключенных-агентов под руководством Васо Берукашвили, действовавшего под «псевдонимом» Гайоза Бегошвили. Ю. Цирекидзе страшно избивали, угрожали сделать педерастом и в конце концов добились своего, превратили его в тюремную «наседку», или шпиона: министр Гарибашвили, начальник следственного отдела милиции г. Тбилиси Мамулов, тюремный опер Кикнадзе, опер Гоглидзе, опер Ксанской колонии Джигения, Г. Норакидзе

Несмотря на то, что он уже был агентом, Ю. Цирекидзе вместе с другими ворами присудили 15 лет (председатель суда — Джандиери).

В дальнейшем он неоднократно был использован в отделе предварительного заключения. В 1961 году он был освобожден (Москва «сократила» срок заключения).

Затем он вновь попал в тюрьму за драку и т. д. Сидел в различных тюрьмах и колониях. Неоднократно совершал побеги. Он описывает, как принуждал его начальник милиции Мамаладзе вовлечь и превратить в агента свою жену Гульнару Цирекидзе и как он отказал ему. Описывает, как не давала ему покоя милиция, когда он был на свободе, как постоянно привлекала к агентурной работе. Он пишет: «Как проститутка, переходил я из рук в руки, работать меня заставляли все: начальник следственного отдела Тбилисской милиции С. Мамедов, его заместитель Гучмазашвили, И. Пицхелаури, Г. Месхи и другие. Из отдела Министерства внутренних дел Грузии: Х. Гаруа, В. Талаквадзе, Каландаров.

Разрывался на части, и что же получал взамен? Ничего, кроме неприятностей и выговоров на основной работе, с которой меня в конце концов сняли под предлогом сокращения штатов. Вместе с тем я нажил много врагов среди преступников, их близких.

Откровенно скажу: надоело мне испытывать эти адские муки. Я не спал ночами и постоянно думал о том, как избавиться от этих людей: ведь они ничего не стеснялись, ни перед чем не отступали. Им ничего не стоило уничтожить меня. (Но, оказывается, это не так уж легко). В конце концов собрался с силами и твердо решил покончить со всем и со всеми. На их вызовы я уже не ходил, а когда приезжали ко мне домой на машине, прогонял, оскорблял и, отказав, отправлял обратно.

Но и без того на несчастных меня и мою семью свалилось новое несчастье: к сыну сестры моей жены приставили агента Меликова—он избивал его и угрожал огнестрельным оружием. 16-летнему юноше, Нодару Мамулашвили, он говорил, что убьет его так же, как в 1963 году был убит его дядя Гоги Андриасов. Испуганный ребенок обратился ко мне за помощью и рассказал все (этого и хотела милиция). Я заинтересовался, хотел узнать, что было известно Серго Меликову об убийстве брата моей жены Гоги Андриасова и вместе с Мамулашвили и одним другом отправился на поиски Меликова.

Мамулашвили нашел Меликова на Московском проспекте, в ресторане «Москва» и попросил его выйти. Меликов вышел с вилкой в руке, которой пугал Мамулашвили. Он даже замахнулся на него и поцарапал руку. Тем временем подбежал я и выхватил у Меликова вилку. А он стал кричать, будто бы я его избил. Тогда я насильно посадил его в машину и повез в сторону Гачиани. В машине начал его допрашивать (он был вышивши), что было ему известно об убийстве Андриасова. У него в кармане была вторая вилка, и когда он вознамерился ее достать, я его побил. Но об убийстве не узнал ничего. Я пригрозил Меликову, что если он не отстанет от Мамулашвили, то будет иметь дело со мной. Побитый Меликов явился в милицию и заявил, что его избил дядя Мамулашвили. Затем арестовали Мамулашвили, который сказал правду, но под руководством и по указанию С. Мамедова дело было страшно фальсифицировано: будто бы после избиения Меликова я и мои друзья отняли у него 110 рублей и часы. Меня арестовали, во время следствия Октябрьская раймилиция передала дело Музашвили и Валико Бакузову. Все дело одновременно вел прокурор района имени 26 комиссаров А. Нодия. Затем был арестован и Меликов за грабеж, к нему приплюсовали часть второй статьи 152 и присудили 12 лет.

Народный суд под председательством Бостоганашвили судил меня и осудил на один год по части второй статьи 112 и по части первой статьи 116 Уголовного кодекса Грузинской ССР, к этому сроку был добавлен один год условного осуждения. Всего меня осудили на два года строгого режима.

Опять тюрьма, опять тысячи мук и угрозы со стороны сотрудников тюрьмы, и вновь меня заставили стать агентом.

Если же ты откажешься быть агентом, то тебя специально «расшифруют» (скажут заключенным, что ты агент), и под страхом «расшифровки» ты вынужден согласиться. В противном случае тебя ожидает большая опасность. И в тюрьме, и в колонии я помогал им в агентурной работе.

Я отбывал наказание в 4-й, 25-й, 28-й колониях и везде помогал администрации как агент. В 1966 году из 4-й колонии меня **перевели во внутреннюю тюрьму КГБ, Комитета госбезопасности, где в агентурной работе мною руководил шеф агентов Жора Гегелия.**

Находясь в КГБ, в камере обрабатывал объекты: валютчиков, перекупщиков золота, шпионов, лиц, арестованных по делу о фальсификации вина и коньяка. Работал с сотрудниками Комитета госбезопасности: Ираклием Цинцадзе, Жорой Гегелия и лично с начальником следственного отдела комитета полковником Надирадзе.

В Комитете госбезопасности я обработал: перекупщиков золота Ибрагима Мамедова и Мишу Хелашвили, директора коньячного комбината Н. Н. Рамишвили, арестованного по делу виноделов Хусейна Джаши (в Батуми). Даварашвили, шпиона-турка, татарина и т. д. Отбытие срока наказания завершил в Ксанской колонии и был освобожден 24 октября 1967 года.

Тогда же попросил принять на работу в Тбилплодоовощторг, но его директор З. Х. Сакварелидзе отказал: мол, ты сидел в тюрьме. Из-за этого мы поспорили. В конце концов по просьбе других Сакварелидзе меня все-таки принял. Начал работать экспедитором в отделе Грузплодоовощторга района имени 26 комиссаров.

Жил мирно и не совершал никаких преступлений. Через некоторое время меня вызвали Э. Талаквадзе и Н. Перкин (следственный отдел по убийствам). Я оперативно и быстро решил такую неразрешимую проблему, из-за которой вся Москва и Грузия стояли на ногах: всем раскрыл истину об уничтожении целой семьи в селе Уканамхари Ленингорского района. По этому делу почти все агенты давали неправильные сведения. Талаквадзе за раскрытие этого дела в присутствии Перкина наградил меня 100 рублями. Вообще за все время сотрудничества с работниками органов я редко получал деньги, а расписки в получении денег меня заставляли писать часто. Параллельно с работой помогал всем: начальнику следственного отдела района 26 комиссаров, сотрудникам отдела: Вове Меньшикову, Аиро Галояну, Володе Енукидзе, Отару Чантурия, Ушанги Чичинадзе, Джими Микеладзе. И вообще помогал всем, сколько мог. Работники милиции сделали меня настоящим агентом, доверяли во всем и верили мне. Должен отметить, что во многом помог я и Бесо Балавадзе.

На Третьем массиве помогал Гоги Моцелия и Гоги Гаглоеву, поскольку жил там же. Как агент же, несмотря на это, числился под № 912 в Министерстве внутренних дел. Есть и такие задания, которые вообще не обозначаются на бумаге и агентурно, конечно, не оформляются.

В камерах предварительного заключения часто помогал Мише Гомартели. Словом, разрывался на части и помогал в раскрытии как уголовных дел, так и следственным органам ОБХСС.

В декабре 1969 года меня вызвал в Министерство внутренних дел начальник 2-го следственного отдела Миша Габуния и попросил помочь в розыске бежавшего из тюрьмы бандита Романа (он же Нугзар) Чихвария по кличке «Джако», часто появляющегося в районе Воронцовской площади, а вообще же уроженца села Набеглави Чохатаурского района. Миша Габуния показал мне его фото и описал словесно. Получил соответствующую инструкцию и активно приступил к выполнению задания.

Мне удалось установить личность Чихвария и даже сблизиться с ним. Милиция дала мне огнестрельное оружие, и я поехал с Чихвария в его родное село Набеглави, где узнал и установил все его тайники. После этого мы врозь вернулись в Тбилиси. Вместе с Габуния мы разработали план поимки Чихвария, в котором приняли участие также его заместитель Ш. Батиашвили, Л. Г. Габуния и другие.

Чихвария и меня арестовали смертельно пьяными (я его специально напоил, согласно предварительно разработанному плану). Изъяли оружие, судили и присудили 15 лет в колонии строгого режима.

В то время я стал сотрудником Габуния и установил также местонахождение бандита Г. Тевдорашвили, прятавшегося 17 лет, которого милиция считала мертвым или убежавшим за границу. Тевдорашвили тоже был арестован с моей помощью.

Сотрудники Комитета госбезопасности сказали мне, что в случае надобности меня отправят в Ленинград, но меня тем временем арестовали. Это произошло следующим образом. М. Габуния за поимку Чихвария повысили и перевели заместителем начальника отдела Угрозыска МВД Грузинской ССР. По его заданию я вышел на перекупщика золота, армянина «Мишку», который на Майдане продал 450 граммов золота некоему еврею Мише, живущему в переулке Дигомской улицы, № 6. Этот азербайджанский еврей Миша работал в магазине г. Гардабани.

Об этом я сообщил М. Габуния. Он лично отвел меня к М. Багатурия, которому я сообщил об этом, отметив, что в это дело замешаны сотрудники милиции Ленинского района г. Тбилиси, получившие взятку от упомянутых выше лиц и отпустившие их. В дальнейшем это дело почему-то было замято, что не осталось неизвестным и заместителю министра Ковальчуку. Габуния и Багатурия думали, что Ковальчуку об этом сообщил я, и почему-то разозлились на меня.

Во время работы в Тбилплодоовощторге я пользовался большим авторитетом. Меня знали как человека, который никого никогда не предаст, и это было правдой: «где живешь, там не наследишь».

Бывший сотрудник нашего объединения, директор магазина № 4 Важа Датусани хорошо знал меня и доверял мне. Один раз он сказал, что у него были коммерческие связи с Б. К. Сакварелидзе и однажды Сакварелидзе присвоил его долю — 200 тысяч рублей (новыми деньгами).

(Цирекидзе рассказывает, что Датусани хотел дать эти 200 тысяч рублей человеку, который взялся бы убить Сакварелидзе. Цирекидзе рассказал об этом Габуния, который поручил ему обработать Датусани таким образом, чтобы как-нибудь взять у него 10 тысяч рублей, но Датусани вперед не давал ничего и обещал выплатить всю сумму лишь после убийства Сакварелидзе. Тогда Габуния поручил Цирекидзе пойти к Сакварелидзе и рассказать все ему лично, что Цирекидзе и выполнил. Его несколько раз отправляли к Датусани. Но тот не сел на крючок).

«Тогда Габуния и Сакварелидзе прибегли к уловке, меня тоже обманули, использовав в качестве слепого орудия: для того, чтобы посадить меня в тюрьму, Сакварелидзе и Габуния совместно поручили организовать инсценировку, за что Сакварелидзе обещал большую сумму и хорошую работу. Я согласился.

В кабинете Сакварелидзе я специально поднял шум, о чем мы были договорены заранее, и дважды выстрелил из парабеллума (оружие было их).

Я, дурак, даже не знал, для какого дела меня использовали: оказывается, Сакварелидзе заранее распустил слух, что будто бы на него, как на честного сотрудника, какие-то подонки собираются организовать покушение и убить его. (В то время Сакварелидзе дружил с Чануквадзе и Мжаванадзе, об этом знают все).

После этого подняли шум, распространился слух, что 2 июля 1970 года было совершено покушение на убийство Сакварелидзе. Я тотчас же пришел в кабинет Габуния (неоднократно беседовал также с Сакварелидзе лично и по телефону).

Короче говоря, эти люди меня вновь прокатили: меня уговорили солгать, сказать, что я будто бы не хотел убить Сакварелидзе и что это не было инсценировкой (мне посоветовали остановиться на этом), и добавить, будто Сакварелидзе выругал меня по матери, и из-за этого я в него стрелял.

Габуния завел меня к начальнику, и я действительно говорил неправду, как об этом мы и договорились, и следствию, и суду я дал ложное показание. Скрыл правду, будто это была не инсценировка, а подлинное дело, чем Сакварелидзе доказал, что Датусани его враг и подкупил людей для его убийства. Таким путем он временно вылез из шумного дела о коммерции очищенных орехов. Однако затем Сакварелидзе в Оками случайно убил женщину, к этому добавилось и «ореховое дело», и его осудили на четыре года.

Меня обманули. Сакварелидзе умолял молчать, обещая тысячи благ. Меня осудили по части третьей статьи 228 и присудили 6 лет.

После ареста, 2 июля 1970 года, меня перевели в камеру предварительного заключения (КПЗ), где я дал Нодия ложные показания. Через сутки меня перевели в следственный изолятор № 1. В комендатуре меня встретил Лежава и познакомил с оперо м Панфиловым. Лежава сказал, что ему звонил Габуния и что он меня знает как агента. Поместили в камеру № 43 специального корпуса № 2. Здесь же хочу пояснить, что такое специальный корпус.

Корпус № 2 находится во втором крыле тюрьмы и изолирован от других корпусов. Он был основан в 1966 году* и с самого начала предназначался для агентурной работы. Старый корпус был перестроен, в нем было оборудовано 10 камер с различной аппаратурой. В эти камеры помещались только заключенные-агенты и обрабатываемые с их помощью объекты.

Камеры общими не были. В них сажали по 5—6 человек. Право на вход в корпус имели лишь старший опер и его заместитель. Входить туда не имел права даже начальник режима.

Дежурили специально подобранные контролеры и сотрудники корпуса. Среди контролеров были специально прикрепленные из оперотдела, которые по поручению оперов носили письма заключенных к их близким и таким образом раскрывали дела.

Эти контролеры были: Шота Гигоев, Вова Яшвили. Валерий Меликян, Саша Лхинадзе, Юза Джангиани, Годердзи Годердзишвили. С их помощью оперативный отдел устанавливал связь с родственниками заключенных.

Когда я заключил, что в специальный корпус меня привели для того, чтобы использовать в агентурной работе, чтобы скрыть правду и я стал жертвой Габуния и Сакварелидзе, 21 июля 1970 года сжег личные вещи и решил сжечь себя, но меня спасли. вынеся голым из огня. Затем меня одели в чужую (расстрелянного) одежду и, поскольку я заявил, что преступниками являются Сакварелидзе и Габуния, в тот же день перевели во внутреннюю тюрьму, чтобы не болтал.

Когда меня привели в тюрьму, там меня встретил Одишвили, беседовал со мной, обещал свою помощь, говорил и от имени Сакварелидзе. Таким образом, я был обманут и посажен к агентурно разрабатываемому объекту Отару Китрадзе в камеру № 4.

Китрадзе я обработал, заставил признаться и раскрыл дело работников ОБХСС МВД Грузии, ограбивших одну еврейку на 45.000 рублей. Я обработал подозреваемого в убийстве Омарова — некоего Абела и арестованных по делу братьев Хурцилава Жору и Вал. Уратадзе.

Здесь я работал до 8 октября, затем был переведен в следственный изолятор Комитета госбезопасности г. Батуми. Там находился до 20 октября того же года. В камере № 2 сидели я, Цинцадзе, Джанелидзе и Виталий Вахания. По просьбе Гадилова (работник Комитета госбезопасности Батуми) я обработал Цинцадзе и Джанелидзе. Вахания был особым объектом, из-за которого меня перевели в Батуми. Я заставил Вахания признаться в содеянном, и он сознался, что вместе с Джанелидзе во время службы в армии украл 2 автомата, карабин с оптическим прицелом, патроны, взрывчатые вещества и все это передал Дуру Хурцилава, совершившему этим оружием убийство. Затем меня вернули в Тбилисский комитет госбезопасности и до 31 декабря агентурно работал по делу Лазишвили с Мацаберидзе, Цкитишвили, Купарадзе и другими.

Когда я находился в изоляторе № 1 Комитета госбезопасности, у меня разболелись почки (прохождение камня) и я был переведен в больницу. Там сотрудничал с операми Джони Хачатуровым и Лежава, затем меня перевели в камеру № 37, потом к малолетним, в корпус несовершеннолетних, где меня «расшифровал» Коридзе. Я высадил двери и, разозленный, ушел оттуда.

Меня поместили вновь во второй корпус, в камеру, № 45. Все требовали помощи, но я был зол и отказывался. Каранадзе сообщил, что, мол, от твоего перевода в Комитет госбезопасности пока воздерживаются. Я тоже не имел желания работать. Панфилов и Свимонишвили всячески принуждали меня работать, но я отказывался. Чтобы сломить, мне устраивали авантюры и сажали в карцер. Кроме того, что я не работал сам, мешал работать и другим.

В камере № 39 агент Ардомелашвили по поручению Панфилова жестоко избил Искандарашвили и какого-то русского агента в присутствии Саркисова. В камере № 45 агент Циклаури избил и ранил Датусани. **В камере № 37 агент Усупян по поручению Панфилова и Свимонишвили жестоко избил Виталия Уханидзе, повредив ему все внутренности, его рвало кровью, и вскоре он скончался. Его «списали».**

Агентами Гурамом Гогуа и Тедо Долидзе в камере № 38 были избиты объекты, в том числе и Кобахидзе, которого подвесили за ноги и вынудили признаться. Одним словом, корпус был специальным, где господствовала система обработки объектов любыми средствами, указания на это давали Панфилов, Свимонишвили, Бурдули и другие.

Убедившись в том, что администрация всячески использует агентов при помощи различных обещаний и угроз, а затем «расшифровывает», их и обманывает во всем, я решил больше не сотрудничать с ними, но меня сломили бесконечными карцерами и вынудили работать, тем более, что все давали полную гарантию. **Так, агент Далакян при обработке убил объект, а ему был добавлен лишь один год. Дело же было замято.**

Я согласился сотрудничать с ними и обработал объекты: Гогава, Турцева, Харебова, Бурджанадзе, Тезико Лазишвили, однако работник корпуса Шалико Кебадзе «расшифровал» меня, и в 1971 году я был переведен в колонию № 31.

1 ноября был переведен из колонии в следственный изолятор Тбилисского КГБ, где работал до 1 марта и обработал объекты: Семенова, Сулава, Кварацхелия, Тодрия, Барбакадзе, Гулия и т. д.

1 марта меня перевели в больницу следственного изолятора № 1, где обрабатывал объект (фамилию не помню) по заданию Ковальчука. Вечером в палату № 127 контролер Зина Раевская неожиданно впустила Дуру Хурцилава, который грозился убить меня ножом. Его я успокоил и обещал помочь. Меня «расшифровала» Маро Мекокишвили, поскольку была в обиде на меня.

3 марта перевели в камеры предварительного заключения, где по делу городского оформления обработал объекта Гиоргобиани и выявил всех его соучастников.

10 марта меня вновь перевели в следственный изолятор КГБ, где меня специально «расшифровал» Андро Бадалов.

По заданию администрации я избил объекта Яковлева. Должен отметить, что были случаи, когда объекты сами дрались и избивали нас. Например: Семенов разбил мне нос, но я его не тронул пальцем, поскольку у меня не было такого задания.

14 марта меня перебросили в г. Кутаиси. Здесь посадили в камеру с объектом Игорем Гагуа. По заданию милиции в камере я перерезал себе вены, чтобы заслужить доверие Гагуа, и неожиданно для всех раскрыл дело об убийстве шефа такси Эбанидзе. Установил также соучастника Гагуа в этом убийстве — Муртаза Адеишвили (Гагуа расстреляли). Кроме того, раскрыл множество совершенных Гагуа дел: бандитизм, грабеж.., нашел огнестрельное оружие.

Также обработал объект Х...а. От Шавишвили и Эсакия получил задание изнасиловать его, поскольку Х...а был вором и его следовало «испортить».

После этого по заданию Габуния меня перебросили в г. Батуми, в следственный изолятор КГБ, для обработки объекта Мурада Эбралидзе (у него нет обеих ног). По просьбе шефа Бешанидзе, кроме Мурада Эбралидзе, обработал также объект Маисурашвили, выявил его соучастников: Кукуладзе, Цинцадзе и т. д. Они занимались воровством и разбоем в г. Батуми. Нашел вещественное доказательство: бриллиантовое кольцо стоимостью 15.0 рублей. Самого же Маисурашвили направил на признание. Должен отметить характерный для моей работы почерк: большинство объектов я отправляю на признание.

Эбралидзе же был обработан мной по делу об убийстве в Ланчхути (был убит и затем брошен под поезд Гвардзеладзе). С Эбралидзе я сидел в камере № 6 вместе с Маркозашвили.

Агенты часто меняют фамилии. Я сидел под многими фамилиями: это делается для того, чтобы тебя не «расшифровали», либо фамилия «расшифрована», и потому нужна новая, для обработки другого объекта.

В 1972 году меня вновь перебросили в Кутаиси. Здесь обрабатывал объекты: Гелишвили, Ломидзе, Сиорадзе, Двалишвили («Шаша») и Ч...е, который обвинялся в убийстве 18-летнего мальчика. Работал хорошо.

Тем временем моя жена перенесла инфаркт, я хотел позвонить в Тбилиси, мне раньше часто разрешали. Я очень нервничал, а Эсакия постоянно обманывал.

Во время пребывания в Кутаиси меня вынудили сделать Ч...е педерастом.

Шавишвили приказал, если заболею, сказать, будто болезнь подхватил в Батуми, но, к счастью, все обошлось хорошо. В Батуми я работал у Карло Гогуа на улице Тельмана. Для последующей санкции меня перевели в Батумский следственный изолятор № 8.

Здесь меня приняли как обычного заключенного, без согласования с Эбралидзе посадили в камеру № 12 под фамилией Цирекидзе. А Эбралидзе знал меня как Маркозашвили. При этом работник корпуса Чиковани «расшифровал» меня. Вообще администрация следственного изолятора полагала, что меня для обработки их изолятора послал заместитель министра П. В. Ковальчук. Я ожесточенно колотил в дверь, поскольку был «расшифрован». Однако никто не обращал на меня внимания, меня не выпускали во двор. Я вынужден был выломать окно, чтобы меня вывели оттуда как нарушителя порядка. Однако меня избили и в течение десяти часов держали в мокрой камере-боксе с наручниками на руках и ногах. Работники тюрьмы издевались надо мной и кричали: «Тбилисская проститутка! Твои номера здесь не пройдут». После этого без оформления меня держали в карцере десять суток и по этапу направили в Тбилиси, кроме того, еще увещевали, чтобы не жаловался.

Сразу же по прибытии в Тбилиси я все написал на имя Ковальчука, и все они были наказаны.

Разозлившись на всех, я в конце концов оставил агентурную работу и 7 июня перешел в колонию, где оставался до 26 августа 1972 г. Однако и в колонии меня принудили заниматься агентурной работой начальник колонии Мамаладзе, Эргемлидзе и опер Шаламберидзе. Что поделаешь, и здесь я помогал администрации. Одним словом. как гулящей девке не избежать мужчины, так и я не смог освободиться от них. Куда бы я делся. С санкции Ило Даварашвили 28 августа меня перевели в следственный изолятор № 1 по делу Георгия Мамулова (взятка).

Сразу же по приходу в следственный изолятор № 1 Свимонишвили принял меня и попросил помочь в агентурной работе, обещал взамен свободу. Я отказался, но он приказал хорошо подумать и в тот же день поместил в камеру № 40.

На второй и третий день меня вновь вызвал Свимонишвили и в присутствии Марго Акоповой и моей жены сказал: если будешь сотрудничать со мной, освобожу через год. Я отказался, но он всевозможными обещаниями снова склонил меня к сотрудничеству.

До октября 1973 г. в камере № 40 я обработал следующие объекты (кого помню): Божадзе, Долояна, Абесадзе, Григоряна, Енукидзе, Митичашвили, Долуа, Мезвришвили, Отарашвили, Фридонишвили, Аламашвили, Цулая, Барбакадзе, Фолодова, Шенгелая, Горадзе, Гагунава, Федотова, Талаквадзе, Раджабова, Мамедова, Товряна, Кардава, Мамулян, Анучина, Гумаченко и др.

На протяжении всей работы, с 1970 по 1973 год, при моем непосредственном участии было раскрыто свыше 200 дел, в том числе особо опасные ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Я должен описать систему и порядки во втором корпусе, какие задания давались здесь агентам, всем без исключения.

(Продолжение на 3-й стр.)

* Шеварднадзе в том году был уже назначен министром МВД **(Прим. редакции).**

ШЕФ ЦИРЕКИДЗЕ И ДЕМОКРАТИЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Второй корпус, как я уже говорил, был специальный. Во всех камерах сидели агенты и работали с объектами. Они выполняли различные задания, за что в виде вознаграждения им выдавались наркотики, спиртные напитки, свидания в специальных комнатах и кабинетах, как с родными и близкими, так и с проститутками, дополнительная еда, им обещали выпустить на свободу и т. д.

Зачастую нам поручалось избиение объектов как для получения показаний, так и в личных интересах работников администрации. Лично задания давали: Лежава, Свимонишвили, Панфилов, Коридзе, Фролов, который и сам избивал заключенных в камерах. Все это я хочу описать более подробно:

в сороковой камере агентами по заданию администрации были избиты: Ахмедов, Цулая, Митичашвили, Фридонишвили, Табидзе, Амазарян, Гумаченко, Гопоян, Попадов и др.

Следует отметить, что агенты выполняли задания и в других камерах: из своей камеры они переходили в камеру объекта, выполняли задание и сразу же возвращались в свою камеру. Они сидели в специальном корпусе под вымышленными именами и фамилиями. Вторым корпусом непосредственно руководил старший инспектор оперотдела, лейтенант Фролов, через которого агенты устно или письменно получали задания от начальников.

В сентябре 1972 г. агенты: Ал. Татевосян, М. К. Григорян, Элоян получили от Фролова и Свимонишвили задание избить Б. Барбакадзе, которого подозревали в убийстве бакурцихского водителя такси Джадулишвили в с. Чалаубани. Бориса Барбакадзе сильно избили. Его крики были слышны во всем корпусе. Барбакадзе со всей силой впился зубами в спину агента Григоряна. Фролова и Свимонишвили попросил выполнить это задание начальник угрозыска МВД Грузинской ССР Тариел Таварткиладзе.

В этой же камере по заданию Фролова агенты Элоян и Альберт Саакян избили Сашу Бабичева. За этой процедурой через смотровое отверстие наблюдал, наслаждаясь зрелищем, сам Фролов. В вышеуказанной камере агенты: Саакян, Чумаченко и Усупян избили объекта Бабеляна, завершил избиение в своем кабинете сам Фролов.

Агент Юрий Элоян, он же Тенгиз Арчвадзе, по заданию администрации систематически избивал объектов: Амазеряна, Мамуляна, Кардава и др.

При моем участии агенты Берекидзе и Акопян в той же камере избили объекта Анугина. По поручению Фролова был также избит агент Акопян. Он хвастался, якобы дает Фролову взятку 30 рублей и тот устраивает ему в своем кабинете встречи с одной замужней женщиной, с которой у него интимные отношения.

В 38-й камере агенты Чочуа и Долидзе избивали многих. Агент Кикнадзе избил Квирквелия, агенты Берекидзе и Майсурадзе избили Эфендиева и т. д.

В 37-й камере агенты Гумаченко и Элоян избили Полодова и Давиташвили, агенты Акопян и Камкамидзе избили Барамидзе, агент Усупян избивал всех, в 36-й камере Акопян избил Угулава. Агенты Паписов - Сардишвили и Кикнадзе избивали Шарапяна, Гвенцадзе, Келбакиани и других. Всех не перечислишь. Короче говоря, избиение велось во всех камерах, и в корпусе постоянно были слышны крики объектов.

Даже после смерти Исмаилова по указанию Фролова агенты снова избивали заключенных. Например, в ноябре агент Джемал Кикнадзе (он же Хачидзе) избил объекта Алескерова и других. В 42-й камере, по заданию администрации, избили и изнасиловали — в 45-й камере избили Аласкерова Аласкерова, в 38-й камере — Зибзибадзе и Сакварелидзе. **Агенты Зибзибадзе и Окруашвили 11 января в той же камере жестоко избили Васильева, которого пришлось отправить в больницу.** Избили старика Сайдакара и др. Агенты заходили в любую камеру и по поручению администрации избивали людей.

Зибзибадзе и Окруашвили из 38-й камеры перешли к нам, в 40-ю, и избили Аласкерова, Ямара Макарова. В 38-й камере Зибзибадзе с помощником избили Пичхадзе. Короче, **это была настоящая бойня.**

Все это стало известно новому начальнику следственного изолятора Габуния, который ликвидировал эти бесчеловечные задания. Фролову все доказали на коллегии внутренних дел и сняли. Фролов сам приносил водку в корпус и распивал ее с агентами в камере и рабочей комнате, где часто устраивались дебоши, пьяный Фролов часто врывался в камеру и сам избивал заключенных, напр., Гарибашвили, Бабичева; агентов Чумаченко, Акопяна, Усупяна и др.

В своем кабинете он устраивал встречи между заключенными и их родственниками, приводил женщин, устраивал дебоши с 4—5 агентами и напивался под аккомпанемент моей гитары.

Короче говоря, Фролов своей бессовестной работой расшифровывал агентов и занимался вымогательством взяток. Он часто приходил в корпус пьяным, давал агентам право свободного хождения. Для раскрытия дел Фролов вместе со своим начальством шел на все и на всяческие уступки и давал агентам запрещенные задания.

В целях обогащения, чтобы удовлетворить жадность, Фролов шел даже на то, что продавал агентурные данные родственникам, близким заключенных и самим соучастникам преступления и зарабатывал большие деньги.

Почерк нашей агентурной работы включал многое — так, по заданию начальства и с помощью оперативных работников мы связывали объектов с внешним миром, чтобы выявить соучастников, доказать преступление, найти вещественные доказательства. В письмах иногда объекты писали о своих секретах, проговаривались о тайниках, где хранились деньги, золото и другие драгоценности, и просили близких перепрятать их.

Кроме того, объекты в письмах называли соучастников, просили их о помощи, занимались вымогательством денег и в случае отказа грозили выдать их. В связи с этим мы, агенты, обрабатывали объекты, выясняли их секреты, выявляли соучастников, раскрывали преступление. Мы узнавали местонахождение накопленного в результате преступлений богатства, и эти богатства в дальнейшем изымали в госбюджет.

Попав в расставленные сети, объект бывал вынужден признаться в содеянном преступлении, назвать соучастников.

Заранее производилось фотографирование всех писем, которые, пройдя оперативный отдел, выходили через связного. Кроме того, мы связывали объекты с соучастниками, которые сидели в разных камерах. При помощи их переписки мы узнавали о совершенном ими преступлении. Деловые и необходимые письма хранились у агентов и в оперотделе. Агент передает письмо шефу, а тот направляет его в следственные органы.

Иногда следователи сами читали агентурный материал. Затем вместе с агентом следователи избирали необходимый путь и решали, как вести дело.

Некоторые необходимые письма подшивали в дело преступника как вещественное доказательство, чем доказывался факт преступления.

В агентурной работе отмечались такие случаи: агента с измененной фамилией впускали в другую камеру, где он избивал объекта и возвращался в свою камеру. Если объект жаловался, на него никто не обращал внимания. **Если же суд выносил частное определение или кто-либо заинтересовывался этим, тогда администрация официально, письменно, отвечала, что такой факт не подтверждается, поскольку названный объектом человек, который якобы его избил, во втором корпусе и вообще в нашей тюрьме не содержится.**

Факт случался, но доказать его никто не мог: агента из другой камеры впускали для избиения объекта, а агент, сидящий вместе с объектом, как будто защищал его. Таким поведением он входил в доверие к объекту и раскрывал дело. Агентов, отказывающихся от грязных дел, отправляли в Россию. А в случае дачи согласия все делали для них: часто освобождали от наказания. Они говорили, что в методике агентурной обработки руководство допускает любые средства, чтобы вынудить объект признаться в содеянном преступлении. Против них они используют любые средства, всевозможные уловки. В случае необходимости они не останавливаются и перед тем, чтобы сделать объекта агентом, чтобы заставить его замолчать.

Агент ведь тоже заключенный и ради свободы идет на все, слушается своих шефов и все исполняет (иногда, даже рискуя своей жизнью).

Иногда агенты даже объявляют голодовку вместе с объектами, входят к ним в доверие и всячески обманывают их ради собственной свободы.

Как отмечалось выше, я с самого начала испытал на себе всю жестокость этой «школы»: чтобы завоевать доверие, часто перерезал вены, по заданию администрации неделями оставался голодным вместе с голодающими. Вместе с ними сидел без постели в сырости и холоде. Против меня устраивались всевозможные инсценировки. Для того, чтобы описать все методы агентурной работы, бумаги не хватит. Однако я расскажу хотя бы частично о методах обработки объектов, о системе неписаных правил.

Связникам - контролерам, которые разносили по заданию оперотдела письма в дома или родственникам заключенных, платили деньги, об этом в оперотделе знали. Более того, огромную часть этой суммы присваивали сами работники оперотдела под тем предлогом, якобы это нужно для дела, выявления объекта. С августа 1972 г. по июль 1973 г. я обработал многих объектов. Трудно всех перечислить, многих из них даже не помню, опишу лишь некоторых, которых запомнил.

В сентябре 1972 г. ко мне в 20-ю камеру посадили для обработки Гришу Долояна (курда). Он подозревался в присвоении 37.000 руб. с фабрики «Исани». Он работал бригадиром грузчиков. Путем приписок и завышения зарплаты он присвоил эту сумму. Долоян действовал не один. Однако соучастники не были известны. Не был установлен и его метод работы. Вместе со своей бригадой Долоян входил в «Грузпогруз».

При обработке я втянул Долояна в переписку с женой. Письма относил связной Валерий Мелкоян. Запутавшийся в расставленных сетях, Долоян признался во всем и раскрыл другие дела: касающиеся купли - продажи автомобилей, взяточничества и спекуляции золотом.

Письма Долояна были переданы следователю Элгуджа Чхартишвили. Так была выявлена эта банда.

Убийцу Поладова мы обработали вместе с его же соучастником, здесь же, в тюрьме, он тоже признался во всем, после чего было найдено и вещественное доказательство — оружие, связным между корпусами был Вова Константинов.

Ко мне забросили также хорагаульца Ботадзе, которого я связал с соучастником Гогава и вынудил признаться в преступлении: они вынудили какого-то пенсионера дать взятку.

По указанию прокурора Лежава и его брата, как мне сказали, по **заданию самого Э. Шеварднадзе ко мне был подсажен объект — Роман Енукидзе, который был членом координационной группы по распределению садовых участков в Цхваричамна. Лежава, Свимонишвили и другие пообещали мне, что в случае раскрытия этого дела меня освободят, поскольку сам, мол, Шеварднадзе дал слово.**

Я мобилизовал все силы для обработки объекта Енукидзе. За ним следили. Я связал его с домом, убедил признаться во всем и, как Долояна и Ботадзе, для признания направил к министру внутренних дел Грузии Шеварднадзе.

Енукидзе во всем признался у министра, назвал всех, кому выделил землю, руководящих работников районов Тбилиси, а также аппарата ЦК, включая Чануквадзе и Мжаванадзе.

По заданию Свимонишвили я расшифровался, открылся Енукидзе, после чего он также стал агентом и помогал нам. Енукидзе намеренно сделали агентом, чтобы, напуганный собственными грехами, он в дальнейшем не смог отказаться от своих показаний.

По просьбе заместителя министра внутренних дел Грузинской ССР П. В. Ковальчука я обработал Торадзе, который дал взятку заместителю министра Чхиквишвили. Я принудил Торадзе признаться во всем, и Чхиквишвили был арестован, расследование вел Цакадзе.

Связного Меликяна сняли и вместо него привели Джангяна. Юза Джангян разносил письма, но по особо важным делам и вопросам письма в районы носил Е. Рхинадзе, работник оперотдела, который отправился в дом К. Мичиташвили в Велисцихе.

Свимонишвили и Лежава прямо из больницы подсадили ко мне Мичиташвили, в пижаме, почти голого среди зимы (специально). Должен отметить, что объекты для признания направлялись не только к министру, но и к Лежава и Свимонишвили. (...)[1].

На М... я получил подобное задание: использовать любые средства, чтобы он пошел на признание к министру, Шеварднадзе.

Я промучился целых три месяца... Доведенного до признания[2] я четыре раза отправлял его к Лежава и Свимонишвили, но в последний момент он отказывался. В конце концов я убедил М.., что признание поможет ему и что его сына не исключат из мединститута. После этого он сдался и обо всем рассказал министру. Это дело по ступеням дошло до Джавахадзе. М... через Саларидзе давал взятки Гелбахиани и устраивал в мединститут своих кахетинцев из Чумлаки, Велисцихе, Гурджаани и др. За 50.000 руб. М... устроил также своих троих детей в мединститут на лечебный факультет.

Затем я получил очередное задание: любыми средствами я должен был вынудить М... сдать государству 50.000 руб. Это было необходимо как вещественное доказательство. Здесь началась нервотрепка: М... отправлял домой письма, в которых просил то 5 тысяч рублей, то 10.000, но не 50.000.

Мне поручили избить его и таким образом достичь желанной цели. Его избивали я, Элоян и Саакян. Били в рабочей комнате, в присутствии работника Константинова, добиваясь признания и письма.

В конце концов М... в нашем присутствии написал письмо на имя брата и снова вписал 5 тыс. рублей. Письма мы сдавали Фролову и Свимонишвили.

Из камеры М... написал письмо жене, в котором писал, что у бассейна им спрятаны 50.000 руб., завернутые в целлофан. Спустя неделю он написал письмо на имя министра Э. Шеварднадзе и указал местонахождение накопленных незаконным путем денег. Этим я закончил обработку М... В больнице и в камере 41 его обрабатывали агенты Петросян и Инаури.

После суда по делу Гелбахиани в камере 44 М... обрабатывали агенты: Рехвиашвили и Ростов, а затем в 43-й камере агенты: Костава и Камкамидзе. Агентурная обработка М... продолжалась и в поезде, но подробностей об этом я не знаю.

Параллельно с обработкой М... я раскрыл до десяти других дел: ограбление кассы, убийство учителя, взяточничество и др.

Когда я обрабатывал М.., у нас находился Карло Цулая. Я обработал Цулая, он во всем признался, его мы тоже сделали агентом, он раскрыл для Свимонишвили до двадцати дел (в том числе Абрамяна), Цулая я также давал поручения, и он выполнял их. При обработке Цулая вошел в доверие к связнику Джангояну и с его помощью установил связь с женой и близкими.

В тюрьме же мы связали Цулая с заключенным Кардава. Они писали множество писем друг другу. Эти письма я отдавал Фролову и Олегу Тортладзе. Цулая писал Кардава, что даст ему 10 тыс. руб., если он не признается, что дал ему взятку.

Кроме того, Цулая написал письмо своей жене, в котором просил дать 10 тыс. руб. жене Кардава. Эти и другие письма взял Тортладзе. Жена Цулая была уличена при передаче денег.

В настоящее время Цулая пишет всякую ложь и гадости, пытаясь таким образом выкрутиться. Он и тогда давал всевозможные подарки агентам, прося о помощи, чтобы в случае необходимости они подтвердили, будто его били, заставляя таким образом признаться в преступлении[2].

У Цулая большие связи в ЦК, он надеялся на помощь, писал анонимные письма, занимался отвратительной клеветой. Он настоящий вымогатель и взяточник. Именно Надареишвили старается помочь Цулая, поэтому и обвиняет меня и надеется, что я сам помог бы Цулая. Он имеет большую выгоду от Цулая. С помощью Элояна и Саакяна Кардава тоже сделали агентом, но потом он сбежал из камеры, всех расшифровал и разгласил все об агентурной работе.

Когда я установил правду, Кардава узнал об этом и пообещал 10 тыс руб., однако я отказался от денег.

По заданию администрации я натравлял наши объекты друг на друга, они ссорились, и мы заметали следы, чтобы они не могли узнать о настоящих агентах и выдать их. Объект Табидзе специально был посажен ко мне вместе с другими агентами. Агентами были: Элоян-Арчвадзе[1], Чубабрия - Бибилеишвили, я и Важа Перадзе. По заданию Фролова Элоян должен был сделать Табидзе педерастом в том случае, если бы он не признался в совершенном 15 сентября 1972 г. по ул. Питашвили, № 21 преступлении. Тогда убили бабушку и внучку Чечелашвили. Элоян приступил к выполнению задания. Чубабрия избивал Табидзе от имени воров, поскольку якобы из-за него воров мучили и якобы воры приказали сделать Табидзе педерастом, если он не расколется.

Табидзе стал плакать и попросил меня помочь. Мне стало его жалко, и я не разрешил агентам делать его педерастом. Из-за этого Фролов разозлился и упрекнул меня: Табидзе непременно надо было сделать педерастом, он бы испугался, что об этом узнает вся тюрьма, и признался бы в убийстве, и мы бы не стали распространяться по этому поводу.

Гиви Коридзе в присутствии Лхинадзе поручил лично мне избить Олега Табидзе, поскольку он обокрал квартиру родственника Коридзе—Джеджелава. Но задание я не выполнил: и он и другие в личных интересах часто поручали нам избивать того или иного заключенного.

За хорошую агентурную работу администрация следственного изолятора № 1, лично Свимонишвили и Лежава 27 мая 1973 г. подали в Совет Министров Грузинской ССР ходатайство обо мне за подписью Кетиладзе, а именно для № 1/0076 они просили освобождения, т. е. прощения оставшихся трех лет.

Поскольку я устал и уже не мог работать, т. к. стал нервнобольным, то не раз просил перевести меня из корпуса, но меня не отпускали, я был вынужден уйти из корпуса с вещами и лечь в 1973 г. в больницу. Там я лежал в 127-й палате. Неожиданно меня вызвали Панфилов и Фролов и по просьбе Лежава, как они сообщили, дали такое задание:

(Здесь Цирекидзе рассказывает, как он обезвредил в камере разъяренного заключенного О. Шешаберидзе с ножом, которым он ранил себя и других, на него надели наручники и избили).

В больнице заключенными была объявлена голодовка, и никто не смог заставить их есть. Врачи тюремной больницы стали умолять меня, после чего администрация тюрьмы и я стали насильно кормить заключенных через зонд.

Затем в спецкорпусе возник дебош: заключенные кричали, и никому не удавалось успокоить их. Это случилось поздно вечером. Пришли ко мне в больницу и попросили утихомирить заключенных. **Короче, меня использовали везде и во всем.**

Больница была превращена в настоящий публичный дом. Заключенные вступали в связь с медсестрами и заключенными женщинами.

Неожиданно меня перевели в следственный изолятор Комитета госбезопасности, где я обрабатывал Алешу Сохадзе, арестованного по делу «жэка», или строительства кооперативных квартир в Варазисхеви (дело Каличава). Сохадзе был бывший секретарь Орджоникидзевского райкома партии.

Вернувшись из Комитета госбезопасности, я просил о переводе в колонию, куда меня направляли дважды, но в колонии меня не приняли: Цирекидзе — расшифрованный агент, и могут, мол, убить.

(Цирекидзе здесь перечисляет свои объекты: Энвера Хурцилава, Имерлишвили, Вахания и др.).

19 сентября 1973 г. я узнал, что вместо освобождения мне скостили два года. Разозлившись, я из камеры предварительного заключения перешел в тюрьму. Я поставил вопрос о доле. ранее обещанной мне Свимонишвили.

Неожиданно в кабинет Бежанишвили меня вызвал шеф Тариел Таварткиладзе и попросил обработать двух объектов по делу об убийстве. Он обещал, что, если я это сделаю, он сам попросит министра, и в президиуме заново поставят вопрос, чтобы списать мне оставшиеся восемь месяцев.

Я согласился и пошел в 40-ю камеру, куда ввели агента Церетели и объекта Малхаза Талаквадзе, который подозревался в убийстве некоего в Поти Исро (педераста). При обработке Талаквадзе, в чем принимал непосредственное участие и Фролов, в мою камеру по заданию впустили агентов: Усупяна, Акопяна и Зерекидзе. Усупян сидел в 37-й камере, а Акопян и Зерекидзе — в 39-й. Талаквадзе избили Усупян и Акопян и вырвали у него признание. Он написал это признание, и я передал его лично Бежанишвили.

Как только Фролов узнал, что Талаквадзе написал ложные показания, снова поручил Усупяну избить его. 21 октября 1973 г., во время смены Коблианидзе, Усупян вошел в 42-ю камеру, воспользовавшись присутствием там трех агентов (знал, что в случае опасности агенты защитят его), сильно избил Талаквадзе и вернулся в свою камеру.

23 октября Усупян и Акопян ворвались в камеру № 43 и начали избивать заключенных. У одного отняли одеяло, которое я вернул владельцу.

Усупян свободно входил во все камеры и, как и другие агенты, по заданию администрации избивал людей. Келбакиани и Гвенцадзе были избиты Усупяном железным прутом. Он отбил им внутренности, из-за чего Келбакиани целую неделю лежал.

В 43-й камере Усупян избил Тошкерия, заставил его залезть под кровать и петь.

Из своей камеры (37-й) Усупян часто ходил в 39-ю, где избивал, а затем вместе с Акопяном кололся морфием. Пьяный Усупян — напоил его Фролов — избил агента Гургена Хачатуряна за то, что тот болтал о Фролове, будто последний неправильно работает и берет взятки.

Вопли Хачатуряна были слышны во всем корпусе, но все притворялись, будто ничего не слышат. Тогда я вошел и вырвал его из рук Усупяна.

Хочу отметить, что в спецкорпусе объекты избивались Усупяном с особой жестокостью, конечно, в надежде на защиту администрации, которая всегда выручала его. Это подтвердят все контролеры: Келаптришвили, Джангиани, Лхинадзе. Один раз Лхинадзе в моем присутствии спросил Фролова: почему Усупян избивает так жестоко? Фролов ответил, что так нужно.

Уважаемые судьи! вот какие задания давала администрация агентам, и агенты их усердно выполняли.

(Далее рассказывается, как избил начальник режима Панфилов заключенного Коберидзе, и детально описывается убийство заключенного Исмаилова (стр. 86—101), за что Цирекидзе и Усупяна судили. Об этом см. протокол судебного заседания по делу № 2254, 1975 год, 1—9 апреля).

В четвертом томе дела № 2254 содержатся различные заявления заключенного — агента Ю. Цирекидзе. Приведем выписки из них:

Заявление
на имя министра МВД
Грузии Кетиладзе
15 июня 1974 г.
(стр. дела 234—237).

«Агенты ходили в другие камеры и избивали людей».

«Фролов (оперуполномоченный) занимался вымогательством денег как у агентов, так и у их родственников».

«Как для дела, так и в личных интересах Фролов вынуждал агентов избивать объекты, принуждал объекты нести деньги. (Они писали письма родным и близким. Эти письма работники милиции несли адресатам и возвращались с деньгами)».

«Фролов превратил второй корпус в место избиения, гулянок и проституции. В корпусе насчитывается более ста фактов избиения заключенных, но за это никто наказан не был».

«Лежава (начальник следственного изолятора) хотел скрыть факт убийства заключенного Исмаилова, он и следователь Онанов для сокрытия факта вырвали из дела мое первое показание. Они предполагали, что это дело я возьму на себя. Они избили меня и дважды организовали побег, чтобы убить меня».

Далее Цирекидзе пишет, что следователь городской прокуратуры Георгий (Жора) Гегелия (начальник следственного отдела КГБ) видел, что Цирекидзе упрямился и вскрывал преступные действия МВД. Поэтому он взял курс против Цирекидзе и пытался свалить на него всю вину. Цирекидзе пишет: **«Гегелия скоро забыл, как я ему помогал в КГБ. Сейчас ему нужен был Усупян» (соучастник по делу Цирекидзе. — Ред.).**

Цирекидзе пишет также, как вел себя в камере Дуру Хурцилава, заключенный исключительной силы, полусумасшедший, одним ударом кулака выбивавший дверь камеры. Затем он убил нескольких заключенных и надсмотрщика. Его расстреляли.

Заявление
на имя заместителя
прокурора республики
О. Джибладзе
(стр. дела 237)

Здесь рассказывается, как избил агент В. Усупян заключенного 37-й камеры Виталия Кухианидзе, повредил ему все внутренности, а врач Циала Аксерцева фиксировала в журнале ложные диагнозы. Кухианидзе объявил голодовку для того, чтобы его избавили от Усупяна, после чего его перевели в 41-ю камеру, где он рассказывал, как его избивали М. П. Талхелидзе, И. Мурусидзе и др.

«Агента Усупяна в 1972 году перевели в следственный изолятор КГБ, где он избил заключенного Гагичева. Он разбил ему голову, о чем знает следователь КГБ, подполковник Камкамидзе. После этого Усупяна перевели в следственный изолятор № 1 МВД» (стр. дела 360).

В заявлении на имя прокурора Грузии Е. Такидзе (18 июня 1974 года) сказано: «Дело следователя Надареишвили повели так, что скрыли преступные действия МВД. **Он говорил, что МВД сильнее всех, даже ЦК, а ты кто такой, несчастный заключенный».**

Имеется еще одно заявление на имя народного суда Кировского района (5 марта 1975 года), стр. 6: «Бессовестные и нечестные люди, работники органов в моей жизни с детства посадили «корень зла», растущий по сей день и жертвой которого я являюсь».

Стр. 12: **«Фролов (оперуполномоченный) получал задания как словесные, так и по телефону, подтвержденные официальными документами от вышестоящих органов: прокуратуры, Министерства внутренних дел и т. д. на обработку того или иного объекта агентурными методами. Поэтому и не стеснялся он никаких средств для того, чтобы раскрыть дело».**

Стр. 16: **«В республиканской больнице «списали» многих убитых после агентурной обработки заключенных. По ним составлялись подложные акты».**

Стр. 19: «Что можно сказать, когда советский офицер смертельно пьян и сам же избивает заключенных?».

«В кабинете оперуполномоченного собирались агенты, накрывали стол, приводили проституток и сотрудниц, пели под гитару, строили планы по побоям заключенных, гомосексуальном изнасиловании мужчин в оперативных целях и т. д. Эти случаи описаны у меня во многих заявлениях и показаниях».

Стр. 22: **«Много говорят о чилийском правительстве, удивительные вещи пишут о репрессиях хунты. Я же, родившийся и выросший в Грузии, грузин, после всех преступлений и испытаний, здесь вижу второй Чили, более страшный, чем первый».**

Судебные заседания
по делу № 2254
Заседание
2 апреля 1975 года
(допрос заключенных):

Был допрошен свидетель — заключенный Вахания, который заявил, что подсудимый Цирекидзе бил по лицу заключенного Исмаилова (убитого).

Судья говорит, что Цирекидзе украл у следователя свое первое показание, хотя при обыске его не обнаружили. Цирекидзе отвечает, что, наоборот, это сделал сам следователь Онанов. Далее он добавил; «Когда меня называли Рихардом Зорге, то в то время я был нужен всем, я был хорошим. Почему сократил мне президиум два года, почему объявили благодарность, **почему подал руку мне, заключенному, Эдуард Шеварднадзе, если я был плохим? Разве у меня было мало судимостей? Я погубил многих людей и спас многих работников».**

Свидетель Зерекидзе заявил: «Старший оперуполномоченный Фролов попросил меня написать плохие показания на Цирекидзе и сказал, что он до смерти избил человека. Я отказался, и он отстал от меня. Заключенные Кикнадзе, Стефания и Зибзибадзе в кабинете Фролова написали показания против Цирекидзе, за что Фролов угостил их водкой и люля-кебабом и пригрозил: если не напишите плохие показания, то посажу вас в камеру Цирекидзе. В нашей камере избивали заключенного Мамуляна, ставили его под очень горячий душ и говорили: «Напиши домой, чтобы прислали деньги, а то умрешь под душем».

Цирекидзе заметил: «Мамулян был под агентурной обработкой, к нам приводили заключенных, поскольку следователи не могли развязать узлы и использовали таких дураков, как я. Если хитростью мне ничего не удавалось, то переходил к побоям».

Судья: «Почему поступал так?».

Цирекидзе: «Еще Сталин писал, что агентура необходима, мне поручали».

Свидетель Р. Ванецов: «Усупян и Бекаури избили Исмаилова и по подсказке Фролова приписали это избиение Цирекидзе. Фролов напоил водкой Кикнадзе и Стефания, чтобы они дали ложные показания».

Цирекидзе: «20 заявлений написал я на имя нового начальника следственного изолятора Габуния, но ни одно из них не дошло. Потом я случайно столкнулся с ним. Он допросил меня, принял меры и снял Фролова. В расследовании принимал участие следователь Тевдорашвили».

Далее Цирекидзе спрашивает свидетеля Ванецова: «Что сделали Кикнадзе и Стефания с заключенным Надареишвили?».

Ванецов: «Насильственно установили с ним половую связь. Говорить об этом Фролов запретил».

Цирекидзе: «Заключенного Валиани чуть не убили, отбили почки. Фролов это скрывал, Габуния мер не принимал».

Судья: «Скажи, Цирекидзе, тебе поручили убить Исмаилова?».

Цирекидзе: «Поручили избить, а не убить. В камерах предварительного заключения избивают сильнее, затем приводят к нам для добавки. Кто выдержит столько?».

Судья: «Мы вынесем частное определение, чтобы вам не давали больше права так обрабатывать заключенных, а виновных работников предадим суду».

Свидетель Кикнадзе (агент) отказывается от дачи показаний. Он лишь говорит, что Ванецов — лжесвидетель и пытался спасти Усупяна. Свидетель Хатисов в связи с заключенным Топчиевым говорит. что Цирекидзе не виновен.

Свидетель Гавва: «Цирекидзе не виновен. О некоторых вещах я здесь промолчу, поскольку суд открытый. Скажу лишь, что в 40-й камере сидели исправившиеся заключенные» (т. е. агенты, — **Ред.**).

Цирекидзе: «Уже пять лет я сижу в камере, скоро, наверное, сойду с ума».

Прокурор: «Почему не идешь в колонию?».

Цирекидзе: «Кто тебя отпустит, когда ты можешь работать, силен, представителен и умен...».

Свидетель Стефания отказывается от показаний, данных следствию. Судья читает его показания, где он говорит, что будто бы Цирекидзе сказал: «Мы случайно убили человека, и не знаю, расстрелют или нет. Начальники обещали помочь, но пока что ничего не вижу».

Цирекидзе: «Когда человек встанет на путь агента, то его следует заживо сжечь. Вот я ударил себя ножом в живот» (оголяет живот и показывает рану).

Судебное заседание
3 апреля 1975 года
(допрос работников)

Прокурор: «В камере три дня лежал умирающий человек, почему не заинтересовались?».

Свидетель Годердзишвили (контролер): «Это не входило в мои служебные обязанности. Это обязанность начальника корпуса. Я не видел, как избивал Цирекидзе Исмаилова. (Отвечает адвокату). Я доложил начальству и медсестре, они не приняли мер».

Судья: «Почему?».

Годердзишвили: «Удивляюсь, почему такой суд открытый, на такой судебный процесс должны были допустить только работников. 40-я камера была особой. Цирекидзе всегда объявляли благодарности: он раскрыл более 200 дел».

Цирекидзе: «Я дал государству 20 миллионов рублей прибыли. Сейчас должен быть генералом. У меня должно быть восемь автомобилей и собственная вилла».

Судья (выйдя из равновесия): «Ты лжешь, подонок, ты грабил честных граждан, тебе нет места в нашем обществе, тебя следует вырвать, как бородавку».

Цирекидзе: «От меня не так-то уж легко избавиться».

Судья: «Наша армия уничтожила 500 дивизий, а ты кто такой?».

Цирекидзе: «Пишут о Чили, а здесь происходят более страшные вещи».

Судья: «К тебе следует применить статью за антисоветскую клевету, негодяй, из-за тебя арестовывали невиновных людей».

Цирекидзе: «Арестовывали они, а не я, они состряпали на меня дело, чтобы замести следы».

Свидетель Тер-Акопов, инструктор МВД (отвечает на вопрос судьи): «В связи с этим делом освободили от сотрудничества одного контролера, оперуполномоченного, были наказаны дежурный и другие. Затем дело перешло в прокуратуру».

Было сказано о том, что писал Цирекидзе в своем заявлении на имя прокурора республики: как наставляла администрация: скажите, что Исмаилов поскользнулся на лестнице и сломал себе голову».

Свидетель Маисая (начальник корпуса): «Ничего не знаю, ничего не видел».

Судья: «Вы были обязаны знать».

Маисая: «Кто им дал палки?».

Прокурор: «Почему не вызвал людей? Ты что-то от нас скрываешь».

Маисая теряется и что-то бормочет.

(Окончание на 4-й стр.).

---

[1] Как опасного свидетеля преступлений МВД М... переслали в ростовскую тюрьму, где в 1974 г. убили в «случайной» драке.

[2] Цирекидзе, применив насилие, вступил с Мичиташвили в интимную связь, избивал его до обморочного состояния и т. д. (см. жалобу заключенного Цулая).

[1] См. приложение.

[2] На своем суде, 4 апреля 1975 г. Цирекидзе заявил, что Цулая побоями и щытками заставили признаться в преступлении (см. ниже). Его «агентство» не доказано, это исходит только от Цирекидзе **(Примечание. Ред.).**

[1] Агенты-армяне всегда носили грузинские фамилии для обмана «объектов». Говорят, что настоящая фамилия Цирекидзе — Маркозашвили **(Примечание. Ред.).**

ШЕФ ЦИРЕКИДЗЕ И ДЕМОКРАТИЯ

ОКОНЧАНИЕ.

Свидетель Гвасалия (офицер): «Цирекидзе хотел, чтобы я подослал его к Бекаури, чтобы тот дал нужные ему показания».

Цирекидзе: «Бекаури твой родственник, и поэтому ты подставляешь ему плечо!»

Ругают друг друга.

Свидетель Деканоидзе (сотрудник): «Ничего не знаю, ничего не видел».

Свидетель Фролов (бывший главный инспектор): «Цирекидзе сказал мне и начальнику изолятора Лежава, чтобы мы свалили вину на Усупяна».

Фролов: «Он сотрудничал с органами. Я поручил ему обработать Вахания. Задания на Исмаилова у него не было».

Адвокат: «Так почему же раньше вы дали мне показание, что он получил от вас такое задание?» (показывает лист из дела).

Фролов смущен и замолкает.

Адвокат: «Когда Цирекидзе выкрал показание, обыскали ли вы его камеру?»

Фролов: «Да, обыскал».

Адвокат: «А вы ведь сказали следователю, что он сжег показание у вас на глазах» (снова показывает на страницу из дела).

Фролов пристыженно молчит.

Судья (адвокату): «Да оставь ты в покое такие дела. Зачем тебе это?»

Адвокат: «Затем, что они хотят все свалить на Цирекидзе, а сами выйти чистенькими».

Судья (обращаясь к Цирекидзе): «Ты же знаешь дело Цулая. Он говорит, будто ты заставил его письменно признаться в преступлении».

Цирекидзе: «Да, я его обработал».

Судья: «И ты хотел его убить?».

Цирекидзе: «В этой тюрьме многие умерли от побоев. А теперь возьмите да и свалите все на меня».

Судья: «Ты обнаглел, потому что тебя гладили по головке. Следовало бы тебя сослать в тайгу, когда ты начал болтать. Советская власть не так уж слаба, чтобы нуждалась в твоей помощи».

Свидетель Коблианидзе (контролер корпуса): «Цирекидзе говорил мне: «Не бойся. Исмаилов не умрет. Мы его приведем в чувство. Ты никуда не звони, иначе человеком не будешь. Да еще изобью тебя. У меня было задание обработать Исмаилова». Потом он отнял у меня ключи и убежал. Я позвонил в комендатуру. Едва-едва у него их отобрали. Начальник режима предупредил меня, чтобы я скрыл преступление. Вот за это я заслуживаю наказания. Цирекидзе говорил мне: «Скажи, что он поскользнулся в туалете — магарыч будет. Начальству обо всем известно, и тебе помогут». Я знал, что Цирекидзе был агентом, и то, что он творил, требовалось для дела».

Судья (обращаясь к Цирекидзе): «Ты говоришь, что дело об убийстве Исмаилова раскрыл ты, а эта история была выгодна начальнику режима Панфилову?»

Цирекидзе: «Совершенно верно».

Судебное заседание 4 апреля 1975 года (Допросили свидетелей-сотрудников)

Свидетель Татунашвили (офицер): «Мне сказали, что Исмаилов принял наркотические средства и умер от этого».

Свидетель Инасаридзе (сотрудник): «Я знал, что его избили. Но Татунашвили говорил, будто он принял какие-то таблетки».

Судья: «Говорили ли вы заключенным, что это дело должно быть скрыто?»

Инасаридзе: «Нет, мы не говорили».

Цирекидзе: «Разве 27 сентября вы вместе с Панфиловым и Тересяном при составлении акта не присутствовали? Разве вы мне не говорили, что он был избит? Администрация распространила версию, якобы Исмаилов скончался от воспаления легких и отравления наркотическими средствами. Они подучили вас так говорить, чтобы скрыть преступление?».

Судья: «Где остальные свидетели?»

Никого не видно.

Судья (выходя из терпения): «Я буду жаловаться на вас в МВД, обжалую в ЦК, что вы суд ни во что не ставите. Чем вы занимаетесь, кроме истребления людей? Почему не принимают меры начальник тюрьмы и его заместитель? Почему нет на месте сотрудников? Я буду ходатайствовать о снятии сотрудников, которые не являются на суд».

(Другие сотрудники выходят из клуба для вызова свидетелей).

Судья (разъяренный): «Вот за что вас поливают грязью заключенные. Мы даже не опубликовали некоторые материалы, чтобы не портить настроение народу».

Сотрудница: «Да, они слишком обнаглели».

Судья: «Вот в этих томах данное учреждение (следственный изолятор) характеризуется как фашистская организация. Почему не являются сотрудники? Почему не оправдываются? Я отдам под суд всех, кто через Цирекидзе вымогал деньги у заключенных. А теперь я прекращу дело, и пусть министр Кетиладзе приводит свидетелей когда хочет. Послушайте, что пишет заключенный Цулая[1].

«Кроме Цулая, здесь покалечили и погубили более двухсот человек. Эту историю надо расследовать. Вызовите начальника тюрьмы».

Начальник тюрьмы не идет.

Судья: «Я допросил 20 здешних сотрудников, и все оказались тупицами. Они сами признались, что зря сидят на своих местах. Я напишу, что решение о выделении дела Цирекидзе из общего дела неправомерно. Всех от мала до велика надо привлечь к ответственности. Человек умирает, просит о помощи, а вы не зовете врача, пока он не умрет. Да разве это первый случай?»

Прокурор: «Как можно офицеров отдавать под суд вместе с этими мерзавцами?! Разве это их товарищи?»

Судья: «Вот именно товарищи. Посмотрите, сколько свидетелей это подтверждает. Если они не товарищи, тогда кто вручал заключенным ключи от камеры? Кто давал им такие поблажки?»

Вводят заместителя начальника следственного изолятора Бурдули.

Судья: «Почему вы над нами издеваетесь? Почему не являются свидетели? Почему вы плюете всем нам в лицо?»

Бурдули: «Что поделать, господин судья. Некоторые ушли, некоторые вышли замуж, а кое-кто на объекте».

Судья: «Я здесь допросил оперуполномоченного Фролова. Он говорил с Цирекидзе так, будто последний — его начальник, а не наоборот. Бурдули, где акт, составленный вами после убийства?»

Бурдули: «Не знаю».

Судья: «Вы уничтожили акт, чтобы скрыть ваше же злодеяние».

Свидетель Коблианидзе (контролер) заплакал и сказал, что ему угрожали арестом, если он не отпустит Цирекидзе. «Пусть крадет ключи, сколько хочет, какое тебе до этого дело?», — оказывается, говорили ему.

Цирекидзе: «Что я делал, кроме хорошего, что от меня хотят?»

Прокурор: «Кому ты сделал хорошее?»

Цирекидзе: «Правительству».

Прокурор (выйдя из равновесия, бранит Цирекидзе): «Ух ты, подонок, бессовестный, негодяй» и т. д.

Цирекидзе: «Я раскрыл 200 нераскрытых дел, дал государству 20 миллионов рублей деньгами, силой вырвал их у арестованных миллионеров». (Затем, обращаясь к Бурдули): «Усупян сказал, как вы ему советовали скрыть факт убийства».

Бурдули: «Это неправда».

Объявляется перерыв.

Вызывают эксперта. По заключению эксперта, арестованный скончался от кровоизлияния в черепную полость. Химическое обследование трупа отравляющих веществ не обнаружило. Второе тяжкое повреждение: кровоизлияние в брюшную полость.

При вскрытии трупа нарушена процессуальная норма: следователь при этом не присутствовал.

Цирекидзе: «У Исмаилова была абсцидированная пневмония, может быть, от нее он и скончался?»

Эксперт: «Нет, он скончался от черепной травмы».

Цирекидзе вслух читает историю болезни Исмаилова, врачебное заключение о необходимости его перевода в больницу.

Цирекидзе: «Вместо больницы его привели к нам, в камеру № 40, так как он подвергался обработке».

Судья (вышедший из равновесия от злости и растерянности): «Да разве обработка означает убийство? Кто вам говорил, чтобы вы размозжили ему голову?»

Цирекидзе: «Ну-ка посмотрите, как избивают в КПЗ (камерах предварительного заключения). Исмаилова сначала избили, а потом привели к нам. Допросите всех свидетелей, например, Бекаури».

Судья: «Бекаури бежал».

Цирекидзе: «Я не отрицаю, что мне было поручено любыми средствами вырвать у заключенного Цулая письменное признание о получении взятки. Я выполнил поручение и избил его. А Исмаилова я не бил. Мои показания самые верные, я и сейчас это подтверждаю. Не подтверждаю только то показание, которое подписано рукой следователя Надарейшвили. Я не знаю, что он написал. Я знал Гегелия из КГБ, но он вместе с Тевдорашвили меня обманул. Меня вынудили дать ложное показание. Мне сказали: «Оставь в покое администрацию, Усупяна, возьми преступление на себя, мы приговорим тебя к пяти годам, а потом сократим срок наполовину и выпустим». В действительности Исмаилова избил Бекаури, а Усупян его сильно толкнул, так, что он ударился головой об стену и через три дня умер. Оперуполномоченный Фролов сказал: «Ничего, это не первый случай, пусть отлежится и оклемается. Если кто-нибудь вас спросит, скажите: поскользнулся, мол, и ударился головой об пол». Но я не успокаивался, поднял тревогу и заставил привести врача».

Что касается Цулая. Я и Элоян заставили его написать признание. **Я знал всех наркоманов. Администрация сама выдавала им наркотические средства».**

Прокурор: «Давал ли тебе Фролов поручения пытать и избивать заключенных?»

Цирекидзе: «Да, он мне давал подобные поручения, и сам, бывало, избивал».

Прокурор: «Ты лжешь. Фролов не мог тебе дать подобное поручение».

Цирекидзе: (вскакивая с места): «Как, вы — прокурор и не знаете, какие тут дела творятся?»

Судья: «У нас имеются документы о том, что поручения получал только ты. Как тебе не стыдно, имеешь четыре судимости, а теперь тебя судят в пятый раз».

Цирекидзе: «Велика важность, у Сталина было три судимости. Может, и я когда-нибудь в вожди выбьюсь».

Смех в зале.

Вызывают свидетеля Панфилова, начальника режима; оказалось, что он в Киеве.

Адвокат заявляет протест в связи со статьей 129 (неоказание помощи) и говорит, что «в обязанности Цирекидзе не входило оказание помощи, за это должны быть привлечены к суду другие».

Адвокат (обращаясь к Цирекидзе): «О чем ты жалеешь больше всего?»

Цирекидзе. «О том, что вот с ними связался» (указывая на сотрудников).

Судебное заседание в апреле 1975 года

Усупян говорит Цирекидзе: «Когда ты избивал Исмаилова, он тебя умолял: не бей меня, я — отец пяти детей».

Цирекидзе: «Однако смертельным оказалось именно то повреждение, которое нанес ты. Ты избил Зебеляна в 33-й камере. Гургена Хачатуряна в 37-й камере, Малхаза Талаквадзе в 40-й камере, его перевели в 42-ю камеру, тогда Коблианидзе из 37-й камеры перевел тебя в 42-ю, и ты вторично избил его. В 44-й камере ты избил Гвенцадзе, который кричал «убивают» и просил о помощи. В той же 44-й камере ты железным прутом избил Келбакиани. Он целую неделю не мог прийти в себя. Келбакиани был водителем и сидел за халтуру. В 37-й камере ты избил старика Бигвава, который сидел по чайному делу, в 44-й — Шириняна» и т. д.

Усупян: «Я докажу, что ты и других убивал».

Его прерывают. Выступает прокурор Мачарадзе. Он отметил, что в следственном изоляторе № 1 не было порядка, и выражает надежду на то, что новый начальник тов. Габуния все исправит и наведет порядок. Исмаилов впервые попал в тюрьму, а его убийцы — рецидивисты. Они говорят, что обработка Исмаилова была поручена администрацией. Возможно, это и так, но это предусматривалось в рамках законности(!). Сейчас советская законность стоит на такой высоте, что подобное задание никто не мог дать. Эти события происходили в прошлом. В настоящее же время в нашем государстве исправлены все ошибки прошлого. На это нам понадобилось 15—20 лет. Те, кто давал подобные поручения, нашим государством наказаны по заслугам. По-видимому, показание выкрал Цирекидзе[1]. Следователь этого не сделал бы, я его знаю. Он вместе со мной работал, и ничего подобного я от него не ожидаю.

Цирекидзе ударил Исмаилова в живот, а Усупян — по голове. Эксперт доказал, что он скончался от травмы, нанесенной по голове. Впрочем, нельзя сказать, что преступление одного более тяжелое, чем другого[2].

Версия о том, что они хотели заставить Исмаилова написать письмо домой, не подтверждается[3]. Спросим: какова же была причина убийства?..[4]. Нет, нет, мы все-таки должны постараться их исправить, ведь они люди еще молодые, имеют семьи... Но все-таки каким образом облегчить их участь? Не знаю, не знаю (прокурор «забывает», что Цирекидзе раскрыл уже 200 дел). Статья 129 должна быть снята. Требую для Цирекидзе шесть лет, для Усупяна — пять, со строгим режимом[5].

Выступает А. Пхакадзе. Он задает вопрос: зачем понадобилось следствию столько томов, столько свидетелей, когда злодеяние совершено в четырех стенах и при нем присутствовало всего лишь пять человек?

«Цирекидзе не родился преступником. Он был спортсменом, чемпионом СССР, студентом института физкультуры, была у него семья, до нынешнего положения довели его бывшие руководящие работники. Зачем держали они его столько лет в тюрьме, почему не отправили в колонию? Они говорят, что он им был нужен, — так заявил здесь один из свидетелей. Является ли это ущемлением его прав? Если вы требуете от Цирекидзе, чтобы он уважал закон, то почему сами его нарушаете? Почему не смотрите туда, куда уходят корнями все причины этого явления? Цирекидзе использовали в качестве слепого орудия, его поощряли. Президиум скостил ему срок на два года, пообещали ему привилегии. Но когда преступление открылось, начальство ушло в кусты, а Цирекидзе должен нести ответственность перед законом за всех. Что же довело Цирекидзе до этого? Те нарушения, которые совершались прежним руководством. Я сам — бывший сотрудник МВД, в чине подполковника, но никогда не слышал, чтобы в тюрьму заносили столько водки и наркотических средств. Разве ими торгуют не сами же работники этого учреждения? Нарушалась дисциплина, не было контроля. Я думаю, суд обязан сказать свое слово по поводу всего этого. Я требую минимальной меры наказания».

Слово предоставляется обвиняемому Усупяну. Усупян не признает себя виновным и отказывается от слова.

Слово предоставляется обвиняемому Цирекидзе, который говорит, что не бил Исмаилова так сильно, чтобы он умер. Его сильно избил Бекаури, в преступлении которого обвиняют его, ибо у Бекаури есть родственник в республиканской прокуратуре. На моей жизни и будущем поставлена точка. Семья моя погибла. Почему меня заставляли избивать людей? **Но разве я избивал ни в чем не повинных? Я бил только по особому заданию свыше.** Часть вторую статьи 110 ко мне применили неправильно: я не ставил целью избиение Исмаилова до смерти. Более правильно было бы применить ко мне статью 108 (телесное повреждение без умысла). Администрация с самого же начала намерена была взвалить все преступления на меня. Меня то просили, то запугивали, говорили: посадим тебя к Дуру Хурцилава, вот он тебе покажет, как надо слушаться начальство. Я сказал: не боюсь, мол, его. Потом Панфилов пригрозил посадить меня в камеру к гомосексуалистам. Я ответил: уж там-то я непременно кого-то убью. Из дела выкрадено много документов. Неужели все их выкрал я? Будь следователь Онанов человеком честным, как это утверждает прокурор, его бы не сняли с должности. Именно он выкрал первое мое показание, где я обличал администрацию. **Поручения на избиение и пытки нам всегда давало начальство. Это известно каждому. Требую оправдания, виновным себя не признаю.**

Судебное заседание 9 апреля 1975 года

Зачитывается обвинительное заключение, где отмечено, что Усупян и Цирекидзе, сводя личные счеты, избили до смерти заключенного Исмаилова. (О причинах избиения, так называемой «обработки», в нем нет ни слова. Ничего не сказано о роли работников МВД).

Оба приговорены к шести годам тюремного заключения со строгим режимом.

Заключение редакции:

Широкое применение методов пыток в следственном изоляторе МВД Грузинской ССР совпадает с периодом деятельности бывшего министра МВД Грузии Э. Шеварднадзе (1966—1972 гг.). Он в настоящее время является первым секретарем ЦК КП Грузии. Он же создал второй «специальный» корпус следственного изолятора, бойню «объектов» заключенных, места произвола палачей МВД, где применялись жесточайшие методы истязаний: избиение железными прутьями, пытки стальными иглами и проводами, подвешивание за ноги, нанесение ожогов горящей сигаретой, оставление надолго под горячим душем, гомосексуальное изнасилование и т. д.

Фарс открытого суда над агентами 1—9 апреля 1975 года был разыгран для того, чтобы оправдать МВД в глазах общества и взвалить всю тяжесть преступления на жалкие жертвы: Усупяна и Цирекидзе, чтобы тем самым прикрыть главного преступника — Эдуарда Шеварднадзе и его ведомство.

Приложение:

Применение методов пыток в следственном изоляторе № 1 подтверждает **жалоба** заключенного Руставской колонии, бывшего работника народного контроля **Карло Цулая**. Цулая был осужден по части второй статьи 189 Уголовного кодекса Грузинской ССР (взяточничество) и приговорен к 10 годам тюремного заключения. Он обвиняет бывшего заместителя прокурора республики О. Джибладзе, бывшую администрацию следственного изолятора № 1 и описывает, каким пыткам он подвергался.

«Я был помещен в камеру № 40 первого следственного изолятора, где попал в руки агентов, возглавляемых Цирекидзе. Он недавно садистскими методами убил человека в тюрьме.

Юрий Цирекидзе с первого же дня приступил к истязаниям. Он так сильно меня избил, что я на несколько часов потерял сознание, и администрация вынуждена была прибегнуть к помощи врачей. Потом меня кололи железными проводами, избивали стулом по голове, тушили горящие сигареты у меня на руках, угрожали мне убийством, если я не напишу показание, изобличающее самого себя. От меня требовали также признания в мнимом получении взятки от Кардава, в сумме 800 рублей. Я ответил отказом и был так жестоко избит, что на три часа лишился сознания. Вызвали врачей, и они привели меня в чувство. Избиения продолжались и впоследствии. Однажды Цирекидзе сел рядом со мной, перечислил моих близких родственников, даже их внешность описал и привел номера телефонов. Он упомянул имена моей жены и 8-летней дочери, сказал, что их обесчестят, если я не дам требуемые показания. Я понял, что они способны на это, поэтому в конце концов согласился и готов был подписать все, что прикажут. Готов был подписаться в получении взятки в размере не 800 рублей, а даже 8 миллионов.

Отчасти под их диктовку я написал, что получил от Кардава взаймы 1000 рублей. Я думал этим себе помочь, но тщетно. Меня опять стали избивать и угрожали изнасилованием, если я не напишу родственникам, чтобы они прислали мне деньги. Письма, написанные под диктовку Ю. Цирекидзе, доставлял моей жене Юза (как выяснилось на следствии, Темур Чхартишвили). Деньги он приносил четыре раза: в первый раз — 200 рублей. 50 рублей из них взял себе, а 150 отдал Цирекидзе. Второй раз — 250 рублей. 50 рублей оставил себе, остальные передал Цирекидзе. Затем принес 220 рублей. И на этот раз Юза взял себе 50 рублей, а 170 отдал Цирекидзе. В конце концов меня заставили попросить прислать мне 1000 рублей. 200 рублей из них прикарманил Юза (он же Темур Чхартишвили), а 800 рублей присвоил Цирекидзе.

Наряду с деньгами Цирекидзе заставлял меня обращаться с письменными просьбами о присылке одежды и обуви. Все это они присваивали.

В апреле 1973 года на очную ставку со мной привели моего зятя А. Ардия и двоюродного брата А. Чантурия. На очной ставке присутствовал работник оперативного изолятора В. Лхинадзе. Следователь вышел. Тем временем зять и двоюродный брат предложили мне деньги. Оперативный работник сказал: «Передайте, если хотите, меня не стесняйтесь». В камере Цирекидзе уже знал об этом и отобрал у меня все, до последней копейки.

Следствием и показаниями Цирекидзе уже доказано, по чьим приказам меня подвергали пыткам, отнимали деньги и вещи. В камере Цирекидзе и другие агенты постоянно пьянствовали и хранили целую коллекцию холодного оружия.

В результате избиений, телесных ожогов горящими сигаретами, побоев тяжелыми острыми предметами на теле у меня навсегда остались шрамы. Это документально подтверждается протоколами допросов меня и Кардава в Цулукидзевской колонии, проведенных оперуполномоченным колонии, и справками судебно-медицинской экспертизы. Эти документы пересланы в прокуратуру республики под № 2/675 от 4 октября 1973 года.

Очевидцами моих мучений в камере № 40 1-го следственного изолятора являются **Мичиташвили**[1] и **Сиамашвили**. Это также доказано другими следственными материалами.

Во время избиений и пыток Цирекидзе и его банда требовали, чтобы я сказал что-нибудь о взяточничестве первого секретаря Цаленджихского райкома партии, ныне работника ЦК КП Грузии Д. А. Кварацхелия и других должностных лиц. Агенты Джибладзе, Тортладзе и Цирекидзе часто посылали меня к заместителю начальника следственного изолятора № 1 Свимонишвили и работникам оперативного отдела Фролову и Лхинадзе для дачи соответствующих показаний.

Но, несмотря на их категорические требования, я давал только правдивые показания.

Мои правдивые показания следователь Тортладзе рвал в кабинете Фролова, угрожая при этом физической расправой. Я отказался от дачи ложных показаний и возвращения в камеру. Тогда он вызвал надзирателя и приказал им силой втолкнуть меня в камеру. Я противился, но прежде чем меня вывели из этого кабинета, Тортладзе показал мне заявление, написанное под диктовку Цирекидзе. Я понял, что все пути доказательства своей правоты для меня отрезаны. После этого под его диктовку я написал показание о том, что будто бы взял у Кардава в долг 1.000 рублей...

Вот такими зверскими методами состряпали они дело против меня.

Здесь же надо отметить, что человекоубийца Цирекидзе у меня на глазах пытал заключенного... И силой, варварскими методами склонил его к мужеложеству... Полуживого доставили в больницу, в мае 1973 года. Под диктовку Цирекидзе ... отправлял домой письма, написанные рукой надзирателя Юзы, прося денег, которые впоследствии присваивали Цирекидзе и Юза.

1975 год.

———

[1] Выдержки из заявления Цулая см. ниже.

[1] Прокурор умолчал о том, что, помимо показания, утерян и акт, составленный на месте происшествия, а также другие документы. Все это нельзя свалить на Цирекидзе.

[2] Прокурор, бесспорно, поддерживает Усупяна, потому что он более законспирированный агент, начальство не обличает, помалкивает.

[3] А судья сказал, что это так (см. выше).

[4] Здесь прокурор забылся и чуть не вскрыл подлинную причину, а затем вдруг спохватился и перешел к другой теме. Вот почему в его выступлении в этом месте есть неувязка.

[5] Здесь также поблажка Усупяну, хотя заключенный скончался именно от его удара (кровоизлияние в черепную полость).

[1] Не так давно в ростовской тюрьме во время «случайной» ссоры Мичиташвили был убит, как опасный свидетель злодеяний МВД.

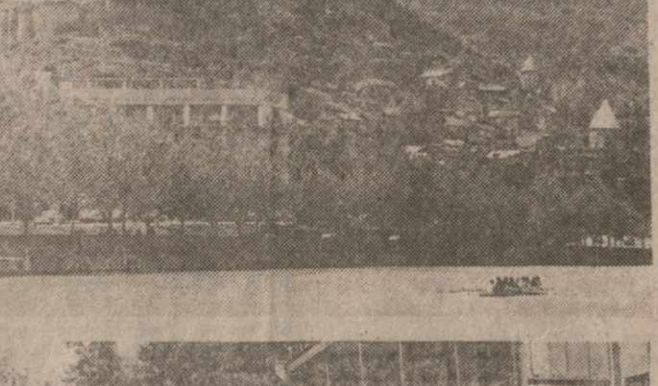
«Мне Тифлис горбатый снится...»

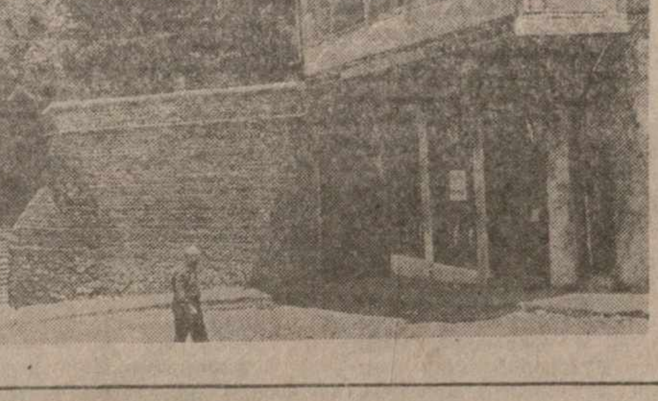
КАКИМ БЫЛ ТБИЛИСИ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД?

Ни один, даже очень памятливый, человек неспособен во всех деталях восстановить облик утраченного. При попытках восстановить что-то в памяти, так или иначе, возникает всего лишь приблизительный образ города с его удивительной атмосферой, с его ветхими и типичными строениями. Конечно, можно с этой целью поднять фотографии тех лет или внимательно вглядеться в полотна грузинских художников, с такой любовью рисовавших наш город, запечатлевая черты его навсегда уходящего быта.

Тогда, тридцать лет назад, Тенгиз Картвелишвили не мог пройти мимо этой вечной темы — образа родного города. И наряду со многими художниками он столь же методично делал наброски, этюды старого Тбилиси, не задумываясь, что через некоторое время эти рисунки и живописные наброски будут иметь не только эстетическую, но и этнографическую ценность. Примет «богемы старого Тбилиси» с годами становится все меньше и меньше. И даже те героические усилия по восстановлению и реставрации былого облика города не в силах остановить этот естественный процесс отмирания старого и рождения нового. Такова жизнь, она не стоит на месте. Но настоящие художники, и только они, способны донести до нас непрерванную песню прошлого. Такую задачу поставил перед собой и художник Тенгиз Картвелишвили. До поры до времени его этюды и наброски старого Тбилиси лежали в запаснике. Художник терпеливо ожидал того подходящего момента, когда они приобретут поистине уникальную ценность. И сегодня этот момент наконец-то настал.

В Доме-музее Елены Ахвледиани открылась выставка живописных работ Тенгиза Картвелишвили, на которой художник впервые в таком объеме представил серию полотен, объединенных одной тематикой, — образ и быт старого Тбилиси. Первое, что бросается в глаза зрителю, это — необычная красочная гамма, в которой выполнены работы. Нет в них общепринятой яркости, сочетаемости контрастного колорита. Полотна написаны словно в одном живописном ключе, где доминируют серовато-белые, охристо-коричневые тона. И действительно, город тридцатилетней давности с его ветшающими постройками никогда не был таким ярко красочным, каким его пытаются преподнести художники-поденщики. Тенгиз Картвелишвили стремился передать истинный колорит городской среды, и надо отметить, что он добился в этом удивительного правдоподобия, ни на шаг не отойдя при этом от истинно художественных задач. Какая-то пронзительная ностальгическая нотка отмечает все его полотна. Да, такой город помнят многие. И оказывается, помнят и детали — чугунные ворота и двери, разрушающуюся кладку старых домов, покрытых плесенью и трещинами. Словно воссоздавая непрочность материала, художник использовал оригинальную технику наклеивания холста на твердую основу, поверх которой наносится красочный слой темперы, гуаши. Этим приемом создается впечатление глубокой рельефности и предметности выписанных деталей, пейзажа и городского быта. Для Тенгиза Картвелишвили это в общем-то нехарактерная манера письма, ведь он широко известен как художник-плакатист, достигший блестящих результатов именно в графическом искусстве. Тем более удивительна так щедро раскрывшаяся новая ипостась художника.





Воссоздание образа старого Тбилиси — тема неисчерпаемая и очень благодарная. Усилия художника, если он к тому же так талантлив, как Тенгиз Картвелишвили, ни в коем случае не пропадут даром, ибо вызывают в душах людей добрые воспоминания о вещах непреходящих, вечных, словно оживляя в нас что-то родное и доброе, имя которому — наш Тбилиси.

Алексей ЛОПАТИН.

СПОРТ

ТЕПЕРЬ — В ПАРНОМ РАЗРЯДЕ

Как известно, тбилисская теннисистка Лела Месхи потерпела поражение в одиночном разряде в открытом чемпионате США, проводимом в Нью-Йорке.

Теперь она выступает в парных соревнованиях — вместе с аргентинкой Мерседес Пас. Они встречались с другими интернациональными дуэтами: Хелен Келеси (Канада) — Каролин Вис (Голландия) и Аранта Санчес (Испания) — Хелена Сукова (ЧСФР). Эти поединки проходили с преимуществом Лелы и ее подруги и завершились их победой, соответственно 6:1, 7:6 (7:4), а также — 7:6, 6:4. Лела и Мерседес вышли в следующий круг.

В мужском одиночном турнире произошла неожиданность. «Посеянный» под первым номером Борис Беккер (Германия) проиграл малоизвестному голландцу Паулу Хаархусу — 3:6, 4:6, 2:6. После игры Беккер заявил, что ему помешала травма ноги. Хаархус, в свою очередь, в очередной встрече нанес поражение другому немецкому теннисисту Карлу-Уве Швеебу — 6:2, 6:3, 6:4.

ТУРНИРНАЯ ОРБИТА

ПУЛЕВАЯ СТРЕЛЬБА. В Мюнхене в соревнованиях на Кубок мира повторен мировой рекорд. Это сделал югослав Стефан Плетикович. Его результат в стрельбе лежа из малокалиберной винтовки 60-ью выстрелами — 600 очков.

ВЕЛОСПОРТ. Чемпион и обладатель Кубка мира среди профессионалов Джанни Буньо (Италия) выступил впервые после своей победы. Он во Франции выиграл традиционную гонку на время с раздельным стартом «Кроноскалата де ла фита». 14 километров он проехал за 29 минут 26,70 сек.

Главный редактор Ия МУХРАНЕЛИ.

Адрес редакции: 380008, Тбилиси-8, пр. Руставели, 42.
Телефоны: отдел писем и общественного мнения — 93-13-54, 93-22-18; общественная приемная — 99-56-69; отдел объявлений — 98-24-17, 98-22-31.

ИНДЕКС 66432.

Газета выходит 5 раз в неделю.
Типография газетно-журнального издательства Грузии — «Самшобло». Печатается в газетном корпусе, ул. Хошараульская, 29.
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22